

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynaalexander.ru/> приятного чтения!

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын

Рассказ публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.
КУРСИВ и ударЕНИЯ авторские
* ЭГО *

1

Павел Васильевич Эктов ещё и раньше, чем к своим тридцати годам, ещё до германской войны, устоялся в осознании и смысле быть последовательным, если даже не прирождённым, сельским кооператором – и никак не замахиваться на великие и сотрясательные цели. Чтобы в этой линии удержаться – ему пришлось поучаствовать и в резких общественных спорах и выстоять против соблазна и упреков от революционных демократов: что быть "культурным работником" на поприще "малых дел" – это ничтожно, это не только вредная растрата сил на мелкие бесполезные работы, но это – измена всему человечеству ради немногих ближайших людей, это – плоская дешёвая благотворительность, не имеющая перспективы завершения. Раз, мол, существует путь универсального спасения человечества, раз есть верный ключ к идеалу народного счастья, – то чего стоит по сравнению с ним мелкая личная помощь человека человеку, простое облегчение горестей текущего дня?

И многие культурные работники устыжались от этих упреков и уязвлённо пытались оправдаться, что их работа "тоже полезна" для всемирного устройства человечества. Но Эктов всё более укреплялся в том, что не требует никакого оправдания повседневная помощь крестьянину в его текущих насущных нуждах, облегчение народной нужды в любой реальной форме – не то что в отвлекающей проповеди сельских батюшек и твердилке церковно-приходских школ. А вот сельская кредитная кооперация может оказаться путём куда поверней всемирного перескока к окончательному счастью.

Все виды кооперации Эктов знал и даже убеждённо их любил. Побывавши в Сибири, он изумился тамашней маслодельческой кооперации, накормившей, без всяких крупных заводов, всю Европу пахучим и объёдным сливочным маслом. Но у себя в Тамбовской губернии он ряд лет был энергичным деятелем ссудо-сберегательной кооперации – и продолжал в войну. (Одновременно участвуя в системе Земгора, впрочем брезгуя её острой политичностью, а то и личным укрывательством от фронта.) Вёл кооперацию и во весь революционный Семнадцатый год, – и только в январе Восемнадцатого, накануне уже явно неизбежной конфискации всех кооперативных касс, – настоял, чтобы его кредитное общество тайно роздало вкладчикам их вклады.

За то – непременно бы Эктова ПОСАДИЛИ, если б точно разобрались, но у подвижных большевиков были руки на разрыв. Вызвали Эктова один раз в Казанский монастырь, где расположилась Чрезвычайка, но одним беглым допросом и обошлось, увернулся. Да хватало у них забот покрупней. На главной площади близ того же монастыря как-то собрали они сразу пять возрастов призывников – тут выскочил сбоку лихой всадник чубатый на серой лошади, заорал: "Товарищи! А что Ленин обещал? Что больше никогда воевать не будем! так ступайте по домам! Только-только отвоевали, а теперь опять на войну гонят? А-рас-сходись по домам!!" И – как полыхнуло по этим парням в серо-чёрной крестьянской одежде: от того окрика – по сыпали, посыпали вразбежку, кто сразу за город, к лескам, в дезертиры, кто по городу заметался и мятежничал – и уже власти сами бежали. Через день вернулись с конницей Киквидзе.

Годы гражданской войны Эктов прожил в душевной потерянности: за жестоким междоусобным уничтожением соотечественников и под железной подошвой большевицкой диктатуры – потерялся смысл жизни и всей России и своей собственной. Ничего и близко сходного никогда на Руси не бывало. Человеческая жизнь вообще потеряла своё разумное привычное течение, деятельность разумных существ, – но, при большевиках, затаилась, исказилась в тайных, обходных или хитро-изобретательных ручейках. Однако, убеждённому демократу Эктову никак не казалась выходом и победа бы белых, и возврат казацких нагаек. И когда в августе Девятнадцатого конница Мамонтова на два дня врывалась и в Тамбов, – за эти двое суток, хоть и сбежала ЧК из Казанского монастыря, а не ощутил он душевного освобождения или удовлетворения. (Да, впрочем, и видно было, что это всего лишь короткий наскок.)

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Да вся тамбовская интеллигенция считала режим большевиков вовсе недолговечным: ну год-два-три и свалется, и Россия вернётся к теперь уже демократической жизни. А в крайностях большевиков проявлялась не только же злая воля их или недомыслие, но и наслоенные трудности трёхлетней внешней войны и сразу же вослед гражданской.

Тамбов, окружённый хлебобордной губернией, не знал в эти годы полного голода, но была зимами опасная нужда и требовала от людей отдавать все силы ума и души – бытовой изворотливости. И крестьянский раздольный мир вокруг Тамбова стал разрушаться безжалостно вгоняемыми клиньями сперва заградотрядов (отбиравших у крестьян зерно и продукты просто при перевозе по дорогам), продотрядов и отрядов по ловле дезертиров. Вход такого отряда в замершую от страха деревню всегда означал неминуемые расстрелы хоть нескольких крестьян, хоть одного-двух, в науку всей деревне. (Могли и с крыльца волостного правления запустить из пулемёта боевыми патронами очередь наугад.) А всегда и у всех отрядов начинался большой грабёж. Продотряд располагался в деревне постоем и прежде всего требовал кормить самого себя: "Давай барана! давай гусей! яиц, масла, молока, хлеба!" (А потом и – полотенца, простыни, сапоги.) Но и этим ещё рады были бы крестьяне отделаться, да только, отгуляв в деревне день два, продотрядники сгоняли понурый обоз из тех же крестьян с их зерном, мясом, маслом, мёдом, холстами – навывоз, в дар пролетарской власти, никогда не поделившейся с крестьянами ни солью, ни мылом, ни железом. (В иной сельский магазин вдруг присылали шёлковые дамские чулки или лайковые перчатки, или керосиновые лампы без горелок и без керосина.) И так подгребали зерно по амбарам подряд – нередко не оставляли мужикам ни на едево, ни на семена. "Чёрными" звали их крестьяне – то ли от чёрта, то ль оттого, что нерусских было много. Надо всей Тамбовской губернией гремел неистовый губпродкомиссар Гольдин, не считавший человеческих жизней, не меривший людского горя и бабьих слёз, страшный и для своих продотрядников. Не многим мягче его был и борисоглебский уездный продкомиссар Альперович. (Достоинными кличками власть окрещала и сама себя: ещё существовал и НАЧПОГУБ Вейднер – даже Эктов долго не мог вникнуть, что это страшное слово значило: начальник политического отдела губернии.)

Отначала крестьяне поверить не могли: что ж это такое вершится? Солдаты, вернувшиеся с германского фронта, из запасных полков и из плена (там их сильно обдывали большевицкой пропагандой), приезжали в свои деревни с вестью, что теперь-то и наступит крестьянская власть, революция сделата ради крестьян: крестьяне и есть главные хозяева на земле. А это что ж: городские насылают басурманов и обидят трудовое крестьянство? Свой хлеб не сеяли – на наше добро позарились? А Ленин говорил: кто не пахал, не сеял – тот пусть и не ест!

И потёк по деревням ещё и такой слух: произошла измена! Ленина в Кремле подменили!

Сердце Павла Васильевича, всю жизнь нераздельное с крестьянскими бедами, их жизненным смыслом и расчётливой бережливостью (в церковь – в сапогах, по селу – в лаптях, а пахать босиком), изболелось от этого безумного деревенского разорения: тамбовскую деревню большевики грабили напрокат догола (ещё ж дограбывали и каждый приезжий пустой ревизор или инструктор). Увидишь ли теперь прежнюю сытую мирную картину: вечерний медленный возврат добротного многосотенного скота в село, кой-где ребятишки с хворостинами, заворачивать своих, взвешенное стоячее облако прозрачной пыли в закатных лучах и скрип колодезных журавлей, предвестников пойки перед обильной дойкой? И на ночь теперь не засвечивались избяные окна: без дела стояли керосиновые лампы и еле светили внутри жирники – плошки из бараньего жира.

А между тем – гражданская война кончалась, и упущено было для тамбовских крестьян соединиться и с белыми. Однако и терпёж их уже перешёл через край, взбуривало народ. Осенью 1919 крестьяне убили предгубисполкома Чичканова во время его поездки по губернии. Ответ власти был – сильным карательным отрядом (венгры, латыши, финны, китайцы – кого только не было в карателях) и многими снова расстрелами.

Той ограбленной зимой крестьянский гнев ещё подбивал, копился. С весны, как стаяло, Павел Васильич поехал на телеге знакомого мужика запастись продуктами: из Каравайнова в хорошо знакомый ему угол, где сливаются Мокрая Панда и Сухая Панда, а дальше текут в Ворону. Знал он там Грушевку, Гвоздёвку, Трескино, Курган, Калугино. Грушевку – с её обильными сенокосами прямо на задах деревни, в

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru июне всю в запахах мятлика, костера и клевера; Трескино с её странным храмом – трёхэтажным кубом, а барская церковь в Никитине облицована сине-коричневой плиткой, и крыша её под чешуйчатой выкладкой; Курган – с насыпным курганом татарских времён; и саблевидное калугино с беспорядочно разбросанными куренями по голой балке Сухой Панды. А пойма извилистой Мокрой Панды вся в густой траве, с боем перепелов, приволье ребятишек, рыболовов, гусей и уток, – хотя и ребятишкам там купанье по пояс, однако и коровы на дневную дойку вылезают из реки же. Лес большой там был – сразу за Грушевкой и Гвоздёвкой; да и близ Никитина, с её множеством садов, несколько лесистых балок.

Ту весну мужики встречали в большой тревоге, и многие даже не хотели сеять: ведь всё уйдёт зазря, отымут? но и самим-то как без прокорма?

Ватажились в лесках и оврагах. Толковали, как себя защитить.

Но трудно крестьянам разных сёл – сговориться, соединиться, решиться, да ещё ж и выбрать момент, когда перейти черту большой войны.

А между тем гольдинские продотряды всё так же наваливались на сёла грабить, и всё так же сами пировали на стоянках. (А были случаи: велели подавать им на ночь заказанное число женщин – и подавало село, а куда денешься? легче, чем расстрелы.) И всё так же отряды из Губдезертира расстреливали для примера изловленных. (Призывали сразу три возраста 18–20-летних. А вступающие в РКП(б) освобождались от общего призыва.)

И в августе Двадцатого само собою вспыхнуло в Каменке Тамбовского уезда: пришедший продотряд крестьяне перебили и взяли их оружие. И в тех же днях в Трескино: близ волостного правления продотряд созвал собрание активистов – вдруг побежала по улице сила мужиков с вилами, лопатами, топорами. Продотряд стал в них стрелять – но нахлынувшей волной порубали отрядников два десятка, ещё и нескольких жён коммунистов заодно. (Убили и маленького мальчика из толпы: он признал одного из повстанцев: "дядя Петя, ты меня узнал?" – и тот убил, чтобы мальчик его потом не выдал.) А в Грушевке так озлобились за всё отымаемое – повалили продотрядчика и, как по бревну, перепилили ему шею пилой.

Трудно, трудно русских мужиков стронуть, но уж как попрёт народная опара – так и не удержать в пределах рассудка. Из Княже-Богородицкого, Тамбовского же уезда, освящённая порывом справедливости крестьянская толпа в лаптях – пошла "братъ Тамбов" с топорами, кухонными рогачами, вилами – ВИЛЬНИКИ, как ходили в татарское время – потекли под колокольный звон попутных сёл, нарастая в пути, – и так шли к губернскому городу, пока в Кузьминой Гати их, беспомощных, не посекали пулемётными заставами, остальных рассеяли.

И – как пожар по соломенным крышам – понеслось восстание по всему уезду сразу, захватив и Кирсановский и Борисоглебский: повсюду перебивали местных коммунистов (и бабы резали их, серпами), громили сельсоветы, разгоняли совхозы, коммуну. Уцелевшие коммунисты и активисты – бежали в Тамбов.

Коммунисты нахожие – понятно откуда приходили. Но откуда набрались местные? По разным сельским случаям Павел Васильич это осмыслил, да кой кого он и раньше знал сам. При первых советских выборах волостных и сельских должностных лиц крестьяне ещё не разбирались, какая этим новым выпадет всеразмерная власть, им мнилось – ничтожная, ведь теперь для всех наступила СЛОБОДА, и не выборы главное, а хватать помещичью землю. И какой порядочный мужик оторвётся от своего хозяйства, чтоб исправлять какую-то там должность по выбору? И потекли на те должности – крестьяне лишь по рождению, а не по труду, озорные, бесшабашные, бездельники, голь, да кто с отрочества болтался чернорабочими при городах да на постройках, там успел лизнуть революционных лозунгов, да ещё все дезертиры с фронта Семнадцатого года, кто торопился на грабёж. Вот все эти – и стали сельские коммунисты, активисты, власть.

Павел Васильевич всем своим воспитанием и гуманистической традицией был всегда всей душой против всякого кровопролития. Но теперь, особенно после этого святого народного похода на Кузьмину Гать, соотношение бессильной правоты и неумолимого насилия проступило столь явно, что и правда же: не оставалось крестьянам ничего иного, как поднять оружие. (А много винтовок, патронов, шашек, гранат оставалось ещё, привезенных с германской войны и разбросанных после мамонтовского прорыва – у кого спрятано, у кого закопано.)

И Эктов не увидел и для себя, народника, народолюбца, иного выхода, как идти туда же и в то же. Хотя: кончилась большая гражданская война и какие надежды были теперь у мужицкого восстания? Но несомненно, что крестьяне будут лишены грамотного связного руководства. Пусть никакой не военный, лишь кооператор, да грамотный и смыслённый человек, – Эктов пригодится где-то там.

Но – жена, Полина, сердце моё неотрывное! и Мариночка, крошка пятилетняя, глазки васильковые! – как оставить вас? и – на какие испытания? на какие опасности? даже просто на голод? Вот оно, наше самое трепетное – оно и высшее наше счастье, оно и наша слабость.

Полина – в острой тревоге, но и посылно крепясь, отпустила его: ты – прав. Да... прав... Иди.

И осталась она с дочуркой на их городской квартире, со скудными запасами провизии и дров на будущую зиму, – но и что-то же заработает, учительница.

А Павел Васильич уехал из Тамбова, отправился искать предполагаемый центр восстания.

И нашёл его – в передвижном состоянии – малую кучку вокруг Александра Степановича Антонова, по происхождению кирсановского мещанина, в 1905 году – эсера-экспроприатора (не закрыть глаз: значит, и вперемежку с уголовщиной?), в 1917 вернувшегося из сибирской ссылки, до большевицкого переворота начальника кирсановской милиции, потом набравшего много оружия разоружением чехословацких эшелонов, проходивших через Кирсанов, – и уже летом 1919 с небольшой дружиной перебивал налётами местные комячейки там и здесь – когда сама партия эсеров всё никак не решалась сопротивляться большевикам, чтобы этим не помочь белым. Действовал Антонов и теперь не от эсеров, а от самого себя. Губчека ловила его всю зиму с 19-го года на 20-й – и не поймала. Антонов не кончил и уездного училища, образование никакое, но – отчаянный, решительный и смекалистый.

В нарождающемся штабе Антонова, который и штабом назвать ещё было нельзя, – не состояло даже хоть одного офицера со штабным опытом. Был местный самородок, из крестьян села Иноковки 1-й, Пётр Михайлович Токмаков: унтер царской армии, он на германском фронте выслужился в прапорщики, затем и в подпоручики, и вояка был превосходный, но всего три класса церковно-приходской. Ещё был боевой и буйный прапорщик, тоже из унтеров, распирающей энергии, Терентий Чернега, – в Семнадцатом примкнувший к большевикам, два года служил им, даже и в ЧОНе, а всего насмотрясь – перешёл на крестьянскую сторону. И ещё был унтер, артиллерист, Арсений Благодарёв, – из той самой Каменки, где всё началось, он и был из начинателей. Все эти трое дальше получили в командование по партизанскому полку, Токмаков потом – бригаду из четырёх полков, – но ни один же из них и близко не был способен к штабной работе. И адъютантом Антонова был вовсе не военный, а учитель Старых из Калугина на Сухой Панде.

И когда Эктов представился Антонову – так и пришёлся он пока самый подходящий "начальник штаба": лишь бы грамотный сообразительный человек да умел бы топографическую карту читать. Спросил Антонов фамилию. Странно, но Эктов не запялся. Уже начал: "Эк...", и тут же прохватило: нельзя называть! И горло само перешло на:

– а... га...

Антонову послышалось:

– Эгов?

А что? Псевдоним, и неплохой. Ответил уже чётко:

– Эго. Пусть так.

Ну, так и так, Антонов и не допытывался.

И скоро все его знали как "Эго", тоже Павел, только Тимофеевич. И вскоре признали за ним авторитет "начальника штаба" (сам себе удивлялся), впрочем он только чуть и связывал, соединял их общие дела, а и сам Антонов и его

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru партизанские начальники чаще вели отряды своим порывом, никого не спрашивая, да и по внезапности обстоятельств.

Тамбовский уезд не так-то был и удобен для партизанской войны: как и большая часть губернии – малолесен, равнина, небольшие холмы, правда много глубоких балок и оврагов ("яруг"), дающих и коннице укрытие от степного прозора. И сеть просёлков с наезженной колеёй, да скакала конница и поперёк поля.

А что это была за конница! Стремена – верёвочные, вместо сёдел у большинства – подушки (и на ходу вьётся пух из-под всадника...). Кто в солдатской одежке, а кто в крестьянской (на шапке – красная ленточка наискось: они – за революцию, тоже красные! и обращение, когда не по деревенским кличкам: "товарищ"). Зато – повстанцы всегда на свежих конях, беспрепятственно меняют их у крестьян (хоть и не без крестьянской обиды: НАШИ-то ребята наши, так ведь и лошадь МОЯ...). Понасобирали берданок, двустволок, винтовочных обрезов (их легче прятать, а меткость вблизи не намного меньше), трофейных с войн Гра и Манлихеров. Начинали с по пять патронов к винтовке, потом отбивали у продотрядов, у чоновцев, и даже захватывали целые оружейные склады, а раз была и такая смелая антоновская операция: захватили у красных целый поездной эшелон боеприпасов, в поспешке развезли телегами по деревням, подальше прочь от ЖЕЛЕЗКИ, которой лишнего часа не удержишь.

Впрочем, из-за многолюдства повстанцев, всё равно сильно не хватало оружия, даже и шашек, – и по набату всё ещё бежали из деревень с вилами. (Был и такой сигнал у повстанцев: при появлении большевицкого отряда останавливаются в том селе мельничные крылья, либо – с другого конца села тут же ускакивает вестовой, оповещать соседей.)

Радость успешных набегов, да и успешных уходов – взбадривала и изумляла Эктова: и как же это всё удаётся? ведь прямо – из ничего!

Так и жили – сперва недели, потом и месяцы: днём работали как крестьяне, а при тревоге и просто с вечера – садились на коня и в набег. Через буераки гонялись отряды друг за другом, и те и эти. При разгроме повстанцы разлетались, прятали оружие, и не у себя во дворах, а по яругам.

...После пролёта боя лежит убитый, головой в ручье. А лошадь печально стоит, часы, возле мёртвого хозяина... А по травам перескакивает трясогузка...

Любимое место укрытия антоновской конницы было – низменность по реке Вороне. Там – и поляны в просторном кольце как бы расставленных дубов, вязов, осин, ив. Измученные верховики сваливались полежать на полянах, заросших мятликом да конским щавелем, и лошади тут же щиплют, медленно перебраживая. К тем местам – заброшенные полудороги, а дальше непроходная урёма – низкое густое переплетенное лесо-кустье, высоченная трава, в ней и гадюки двухаршинные с чёрно насеченной спиной. (Одно из самых недоступных мест так и зовётся – "Змеиное болото".)

В сентябре вспыхнуло восстание и в Пахотном Углу, много северней Тамбова, к Моршанску: там сколотили коммунисты год назад "образцовую коммуноу" – а теперь те образумленные коммунисты стали отдельной, но крепкой группировкой повстанцев.

Так множились повстанцы, что, осмелев, в начале октября пошли атаковать с юга Каменку, выручать её от ставшего там красного гарнизона. Те ответили пушками и в контратаку кроме конницы послали и пехоту. Повстанцы спешили и – в первый и единственный раз – вырыли окопы, привычное дело с войны, но то для них была ошибка: не выдержали регулярного двухсуточного боя, бросили окопы, отступили к Туголукову, изобильному лошадьми, – и из Туголукова много крестьян, сев на лошадь и добавив ещё заводную, уходили вместе с ПАРТИЗАНТАМИ.

Район восстания был опасно охвачен треугольником железных дорог Тамбов – Балашов – Ртищево, и постоянные гарнизоны стояли на крупных станциях. Эти пути надо было портить при каждом случае. И несколько раз антоновцы, налетев, местами разбирали пути, лошадиной тягой гнули рельсы в дугу.

Зато железнодорожные служащие, особенно телефонисты и телеграфисты, в массе своей сочувствовали повстанцам и иные задерживали в передаче распоряжения красных, или теряли, искажали, а то и передавали партизанам – и большевики не могли надёжно использовать свои линии связи. А железнодорожники ртищевского узла

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru даже избрали делегацию к повстанцам, на поддержку, но чекисты успели арестовать делегатов, а на всё Ртищево объявили чрезвычайное положение.

Повстанцев становилось всё больше – и один за другим формировались партизанские ПОЛКИ, по полторы и по две тысячи человек, уже переваливало число полков за десяток, у полков появились и свои знамёна и пулемёты Максима и Льюиса. Командирами становились и бывшие унтеры и ефрейторы, с опытом германской войны, и просто крестьяне от сохи. И смыслёно же командовали.

В ноябре Антонов с главными силами пошёл и на сам Тамбов, вызвав большой переполох у тамбовских властей (те пилили-валили вековые дубы на завалы дорог к городу, расставляли пулемёты на городских колокольнях). Эктов верить не мог: неужели, вот, хоть на короткий час и сам туда, и выхватит, увезёт семью?.. (До Сердобска бы довёз, а там у Полины двоюродная сестра, у неё б и прикрылась.)

Нет, в двадцати верстах от Тамбова, в Подоскле-Рождественском, после крупного боя, пришлось повстанцам отступить.

Вандея? Но отметная была разница: наше православное духовенство, не от мира сего, не сливалось с повстанцами, не вдохновляло их как боевое католическое, а осторожно сидело по приходам, по своим домам, хотя и знали: красные придут – всё равно могут голову размозжить. (Как в Каменке попа Михаила Молчанова застрелили ни за что на ступеньках своего дома.)

Вандея? Иногда и не без насилия: приходил красноармеец в отпуск в свою деревню, а у него односельчане уничтожали документы – и куда ему после того деваться? выхода нет, как в партизаны. И из отряда партизанского уж и вовсе не уйти, хоть и задумал бы: свои ж не дадут жить в селе с семьёй. Или какая баба замечена, что проболтала красным о передвижениях повстанцев, – секли её по голому заду прилюдно, на площади перед церковью.

Тамбовским мирным мужикам теперь гроза была со всех сторон: что не так сделаешь – отомстят потом хоть красные, хоть повстанцы. Боятся и с иными соседями просказываться. Один раз, в общем валу, сходил ВИЛЬНИКОМ за десять вёрст, пойман, а хоть и отпущен – вперёд уже навек виноват перед властями.

Стук в дверь: "кто там?" – "Свои". – Чтоб не попасться, на всяк случай: "Все вы, черти, свои, да житья от вас нет".

Одну бабу допрашивали красные, где её сын. Отреклась: "Нет у меня никакого сына!" А потом его поймали, он назвался: сын такой-то. И его расстреляли: мол, врёт.

В это мужицкое положение ставил Павел Васильич не раз и себя. Извечная радость человека и извечная его уязвимость: семья! У кого вместо сердца подкова железная, чтоб не дрогнуть за своих родных, что затерзают их эти чёртовы когти?

А бывало и такое: растрепали в деревне продотряд, двое из них китаец и финн – спрятались на задах у деда. Китайца заметили, подстрелили, а финна дед пожалел и, головой рискуя, спрятал в сноп, а ночью выпустил – и тот дал дёру, к своему гарнизону, в Чокино. (Для следующей экспедиции?..)

Вандея? Эсеры Тамбовской губернии заколебались: и нельзя поддерживать восстание против революции? и возглавить это восстание было упущено, за ними уже не пойдут. Но и: теперь, когда кончилась гражданская война, как не использовать народный напор против коммунистов. Пристраивались к возникшим "советам трудового крестьянства" и писать листовки, и приписать всё восстание эсеровской партии.

Да у повстанцев уже свои были лозунги: "Долой Советы!" (никак не эсеровский, эсеры – за Советы); "Не платим развёрстки!"; "Да здравствуют дезертиры Красной Армии!"

У Эктова оказалась пишущая машинка, захваченная в исполкоме, так он и сам сочинял и усердно печатал прокламации: "Мобилизованные красноармейцы! Мы – не бандиты! мы такие же крестьяне, как вы. Но нас заставили бросить мирный труд и послали на своих братьев. А разве ваши семейства не в таких же условиях, как наши? Всё убито Советами, на каждом шагу озверелые коммунисты отбирают последнее зерно и расстреливают людей ни за что. Раскалывают наши головы как горшки,

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru ломают кости – и на том обещают построить новый мир? Сбрасывайте с себя коммунистическое ярмо и идите домой с оружием в руках! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствуют советы трудового крестьянства!"

Да повстанцы и сами, кто горазд, выписывали чернильными карандашами на случайных листках бумаги: "Довольно слушать нахалов коммунистов, паразитов трудового народа!" – "Мы пришли крикнуть вам, что власть обидчиков и грабителей быть не должна!" и к нерешительным: "Мужики! У вас забирают хлеб, скотину, а вы всё спите?"

Коммунисты отвечали большим тиражом типографских листовок со своей обычной классовой долдонщиной или сатирическими картинками: Антонов в кровавой шапке с кровавым ножом, а на груди, в виде орденов, – Врангель и Керенский. "Мы, Антонов Первый, Поджигатель и Разрушитель Тамбовский, Самодержец Всеворовской и Всебандитский..."

Это стряпал завагитпропа губкома Эйдман, никогда его тут, в Тамбове, не слышали прежде. А в грозных распоряжениях чаще всего мелькали подписи секретарей губкома Пинсона, Мещерякова, Райвида, Мейера, предгубисполкома то Загузова, то Шлихтера, предгубчека Трасковича, начальника политотдела Галузо – и этих тоже Тамбов не знал никогда, и эти тоже были пришлые. А в составе их губ-губ властей мелькали и другие, кто не подписывал грозных приказов, но решали-то все вместе: Смоленский, Зарин, Немцов, Лопато и даже женщины – Коллегаева, Шестакова... И об этих тоже Эктов не слышал прежде, только один среди них был точно местный, всеизвестный оголтелый большевик Васильев, прохулиганивший в городе весь Семнадцатый год, свистевший и топавший даже на чинных собраниях в Нарышкинской читальне. Об остальных не слыхивал Эктов, а ведь свора эта была – не из той же ли оппозиционной интеллигенции, что и он сам? и несколько лет назад, до революции, встретились бы где-нибудь он пожимал бы им руки?..

Но пропаганда – пропагандой, а большевики подтягивали силы. Установила антоновская разведка, что прибыл из Москвы полк Особого назначения ВЧК, ещё эскадрон от тульской ЧК, ещё 250 сабель из Казани, до сотни из Саратова. Ещё пришёл из Козлова "коммунистический отряд" и два таких отомобилизовались в Тамбове. Ещё появился у них и "автобоевой отряд имени Свердлова" и отдельный железнодорожный батальон. (Рискованную разведку вели и верная баба с махоткой молока и надёжный мужик с возом дров в город. Через одну такую бабу раз послал Павел Васильич устную весточку о себе Полине – и в ответ узнал, что – целы, не раскрыты чекой, скудно живут, но надеются...)

Отделавшись от страха за целостность самого Тамбова, красные вожди свои нарощенные силы стали равномерно расквартировывать по всем трём мятежным уездам, особенно по Тамбовскому, – планоно оккупировать их. (В большом десяти тысячном селе взяли 80 заложников и объявили жителям: за несдачу селом огнестрельного оружия к следующему полудню – все эти 80 будут расстреляны. Угроза была слишком непомерна, село не поверило, никто ничего не сдал – и в следующий полдень на виду у села все восемьдесят были расстреляны!)

Стали и летать большевицкие самолёты (были и хвастливо выкрашенные в красный цвет), наблюдать, иногда и сбрасывать бомбы, что сильно пугало селян.

Осенью, избегая наседающего преследования, Антонов временно уводил свои главные силы то в Саратовскую губернию, то в Пензенскую. (А саратовские крестьяне, мстя за забранных или смененных лошадей, стали и сами ловить тамбовских повстанцев и расправляться самосудом. Судьба крестьянских восстаний...)

Вместе с главным штабом и Эго был в этих рейдах, и уже привык к такой жизни, конной, бродячей, бездомной, на холодах и в тревоге, в уходах от погони. Стал военным человеком? – нет, не стал, трудно было ему, никогда к такому не готовился. А – надо терпеть. Разделял крестьянскую боль – и тем насыщалась душа: он – на месте. (А не пришёл бы сюда – дрожал бы в норке в Тамбове, презирал бы себя.)

А мятежный край не утихал! Хотя поздней осенью и к зиме партизанам стало намного трудней скрываться и ночевать – а полки партизанские росли в числе. Поборы, собираемые красными отрядами, откровенный грабёж, когда делили отобранное крестьянское имущество – тут же, на глазах крестьян, избивали стариков, а то и сжигали деревни начисто, как Афанасьевку, Бабино, и это к зиме, выгоняя и старых

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru и малых на снег, – поддавало новый заряд повстанческому сопротивлению. (Но и повстанцам же где-то питаться. Раньше брали у семей советского актива, потом и у семей красноармейцев, а дальше, не хватало – уже и у крестьян подряд. Кто давал понимаючи, а кто и обозлевался.)

К середине зимы уже сформировалось две партизанских Армии, каждая по десятку полков, 1-й армией командовал Токмаков, 2-й – сам Антонов. В штабах армий появились уже и настоящие военные, наводившие порядок, начиная с формы: рядовым установили красные нашивки на левом рукаве выше локтя, командирам добавлялась ленточка, нашитые треугольники вершиной вниз или вверх, а с командиров бригад – ромбы. Командный состав избирался на полковых собраниях (и ещё – политкомы, и ещё – полковой суд). Издавали и приказы: полный запрет устраивать в деревнях конфискации одежды, вещей и обыски на поиск продуктов; не разрешать партизанам слишком часто менять своих лошадей у крестьян, только по решению фельдшера, а – получше следить за лошадью своей; и, как в настоящей армии, вводили партизанам чередность отпусков – но и своя милиция в сёлах проверяет документ, по какому партизан приехал.

Зимой взаимное озлобление только ещё распалось. Красные отряды расстреливали и уличённых, и подозреваемых, стреляли безо всякого следствия и суда. У карателей выявился разряд людей, уже настолько привыкших к крови, что рука у них подымалась, как муху смахнуть, и револьвер сам стрелял. Партизаны, бережа патроны, больше рубили захваченных, убивали тяжёлым в голову, комиссаров – вешали.

И до того доходило разъярение мести с обеих сторон, что и глаза выкалывали захваченному прежде, чем убить.

Из ограбленных сёл ребятишки с салазками ездили за битой кониной. Этой зимой развелось много обнаглевших волков. И собаки тоже ели трупы, разбросанные по степи и по балкам, и разрывали мелко закопанных.

Разъезжала по оккупированным сёлам выездная сессия губчк – Рамошат, Ракуц и Шаров, сыпали расстрельные приговоры, а подозреваемых, но никак не пойманных на повстанчестве, стали ссылать в "концентрационные лагеря". В январе антоновский штаб свёдал секретное письмо: тамбовская губчк получила от центрального управления лагерей Республики дополнительно 5 тысяч мест в лагерях для своих задержанных. А с бабами и девками, уведёнными в ближние концлагеря, охрана с кем развратничала, кого насильовала, слухом полнилась земля.

Сёла скудели. Даже в богатенной когда-то Каменке осталось с два десятка лошадей. Ко рваным башмакам люди ладили деревянные подошвы, бабы ходили по морозу без чулок. И заведёт кто-нибудь: "А при царе поедешь на базар – покупай, что по душе: сапоги, ситцу, кренделёв". Только бумага нашлась на курево: из помещичьих книг да из красных уголков.

Со старым-престарым дедом из хутора Семёновского Эктов горевал, как гинет всё. Казалось – жизнь уже доходит до последнего конца, и после этого какая ещё останется?

– Нечто, – сказал серебряный дед. – Из-под косы трава да и то уцелевает.

А достали-таки тамбовские крестьяне до Кремля! В середине февраля стали объявлять, что в Тамбовской губернии хлебная развёрстка прекращается.

Никто не поверил.

Тогда напечатали в газетах, что Ленин вдруг "принял делегацию тамбовских крестьян". (В самом ли деле? Позже стало в антоновском штабе известно: да, несколько мужиков, сидевших в тамбовской ЧК, запуганных, доставляли в московский Кремль.)

Большевики, видно, торопились кончить восстание к весне, чтобы люди сеяли (а осенью – опять отбирать).

Но ярость боёв уже не унималась. И в марте, двумя полками, антоновцы налетели на укрепленное фабричное село Рассказово, под самым Тамбовом, разгромили гарнизон и целый советский батальон взяли в плен. И половина из них охотой пошла в

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
ПАРТИЗАНТЫ.

Павел Васильич с осени не верил, не надеялся, что в таких передрыгах вытянет, перезимует. Но вот – дотерпел, дожил и до марта. И даже настолько признали уже его военным человеком, что сделали помощником командира полка Особого Назначения при штабе 1-й армии.

И ещё успел он прочесть два мартовских приказа звереющих карателей: "Обязать всех жителей каждого села круговой порукой, что если кто из села будет оказывать какую-либо помощь бандитам, то отвечать за это будут все жители этого села", а "бандитов ловить и уничтожать как хищных зверей". И – наивысшим доводом: "всё здоровое мужское население от 17 до 50 лет арестовывать и заключать в концентрационные лагеря"! А прямо к повстанцам: "Помните: ваши СПИСКИ большей частью уже в руках Чека. Явитесь добровольно с оружием – и будете прощены".

Но ни калёной прокаткой, ни уговором – уже не брались повстанцы, в затравленных метаньях по заснеженным морозным оврагам и перелескам. И уже вот-вот манила весна – а там-то нас и вовсе не возьмёшь!

И тут, в марте, уже перенеся зиму, Эктов сильно простудился, занемог, должен был отстать от полка, лечь в селе, в тепле.

И – на вторую же ночь был выдан чекистам по доносу соседской бабы.

Схвачен.

Но – не расстрелян на месте, хотя уже знали его роль при токмаковском штабе.

А – повезли в Тамбов.

Город имел вид военного лагеря. Многие дома заколочены. Нечищенный грязный снег на панелях. (Свой домик – на боковой улице, не видел.)

И – дальше, через Тамбов. Посадили в зарешеченный вагон, в Москву.

Только не на свиданье с Лениным.

2

Сидел в лубянской тюрьме ВЧК, в полуподвале, в одиночке, малое квадратное окошко в уровень тюремного двора.

Отначала видел главное испытание в том, чтобы себя НЕ НАЗВАТЬ – да то самое испытание, какое нависло и над каждым вторым тамбовским крестьянином, да с тем же и выбором: назвал себя – погиб. А не назвал погиб же, только другим родом.

Придумал себе биографию – тоже кооператора, только из Забайкалья, из тех мест, которые знал. Может, по нынешнему времени проверить им трудно.

На допросы водили его тремя этажами вверх, в один и тот же всегда кабинет с двумя крупными высокими окнами, старой дорогой мебелью Страхового общества и плохоньким бумажным портретом Ленина в богатой раме на стене над головой следователя. Но следователи – сменялись, трое.

Один, Марагаев, кавказского вида, допрашивал только ночами, спать не давал. Допрашивал ненаходчиво, но кричал, выверивался, бил по лицу и по телу, оставляя синячные ушибы.

Другой, Обоянский, всем нежным видом выдавая голубую кровь, – не так допрашивал, как вселял в подсудимого безнадежность, даже будто бы становясь с ним сочувственно на одну сторону: ОНИ всё равно победят, да уже везде победили, Тамбовская губерния осталась последняя; против НИХ никто не может устоять и в России и в целом мире, это – сила, какой человечество ещё не встречало; и благоразумнее сдаться ИМ прежде, чем они будут карать. А может быть – смягчат участь.

А третий – пухлощёкий, черноволосый, весело подвижный Либин никогда не дотронулся до подсудимого и пальцем, и не кричал, но всегда говорил с

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru бодрой победной уверенностью, да видно, что и не наигранной. И домогался пробудить в подследственном демократическую совесть: как же он мог изменить светлому идеалу интеллигенции? как же может демократ стоять против неумолимого хода истории, пусть и отягчённого жестокостями?

Этих жестокостей Эктов мог поведать следователю больше, чем тот и представлял. Мог бы, но не смел. Да не ту линию он и избрал: вот на этом-то и стоять: что - демократ, народник, что тронула сердце пронзительная крестьянская беда, а белогвардейщиной тут и не веет. (Да ведь - и правда так.)

А Либин - как будто по той же ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ линии и вёл навстречу:

- В будущие школьные хрестоматии войдёт не один эпизод героизма красных войск и коммунистов, давивших этот кулацкий мятеж. Момент борьбы с кулачеством займёт почётное место в советской истории.

Спорить было безнадежно, да и к чему? Главное: узнают ли, кто он. Это хорошо, что увезли в Москву, в Тамбове легче бы его узнали, пропуская через свидетелей. Одно только ныло предчувствием: сфотографировали его в фас и в профиль. Могли фотокарточку размножить, разослать в Тамбов, Кирсанов, Борисоглебск. Хотя и: за полгода боевой жизни Эктов так изменился, посуровел, жесточел, и в ветрогаре - сам себя не узнавал в зеркало в избах, впрочем и зеркала там плохонькие.

Пока не вызнали, кто - семья была в безопасности. А самого - что ж, пусть и стреляют: за эти месяцы бесщадной войны Павел Васильич давно обвыкся с мыслью о смерти, да и попадал уже на волосок от неё.

Да его запросто могли расстрелять и при взятии - непонятно, зачем уж так им надо было его опознать? зачем везли в Москву? зачем столько времени надо было тратить на переубеждения?

А недели текли - голодные, скудная похлёбка, крохотка хлеба. Бельё без смены, тело чесалось, стирал как мог в редкие бани.

Из одиночки соединяли и в камеру - сперва с одним, потом с другим. По соседству не обойтись без расспросов: а кто вы сами? а как попали в восстание? а что там делали? Отвечать - нельзя, и совсем не ответить нельзя. А оба - мутные типы, сердце-вещун узнаёт. Что-то плёл.

Прошёл апрель - не узнали!

Но - ещё раз сфотографировали.

Клещи.

Опять в одиночку, в подвал.

Потёк и май.

Тянулись и дни, но ещё мучительней - ночи: в ночи, плашмя, ослабляется человек и его жизненная сила сопротивления. Кажется: ещё немного - и сил уже не собрать.

И Обоянский кивал с измученной улыбкой:

- Не устоять никому. Это проснулось и пришло к нам могучее невиданное племя. Поймите.

А Либин оживлённо рассказывал о военных красных успехах: и сколько войск нагнали в Тамбовскую губернию, и даже - ТУТ не секрет и сказать каких именно. И курсантов из нескольких военных училищ расположили по тамбовским сёлам для усиления оккупации.

Да - разбиты уже антоновцы! Разбиты, теперь добивают отдельные кучки. Уже сами приходят в красные штабы гурьбами и приносят винтовки. И ещё помогают находить и разоружать других. Да один полк бандитов полностью перешёл на красную сторону.

- Какой? - вырвалось.

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Либин с готовностью и отчётливо:

- 14-й Архангельский 5-й Токайской бригады.

Здорово знали.

Но ещё проверь - так ли?..

Да приносил на допросы в подтверждение тамбовские газеты.

Судя по ним - да, большевики победили.

А - что могло стать иначе? Он когда и шёл в восстание - понимал же безнадёжность.

А вот - приказ No 130: арестовывать семьи повстанцев (выразительно прочёл: семьи), имущество их конфисковать, а самих сгонять в концентрационные лагеря, потом ссылат в отдалённые местности.

А вот - приказ No 171, и опять: о каре СЕМЬЯМ.

И - не замнутя перед тем, уж Эктов знал.

И, уверял Либин, от приказов этих - уже большие плоды. Чтобы самим не страдать - крестьяне приходят и указывают, кто скрылся и где.

Очень может и быть. Великий рычаг применили большевики: брать в заложники СЕМЬИ.

Кто - устоит? Кто не любит своих детей больше себя?

- А дальше, - заверял Либин, - начнётся ПОЛНАЯ ЧИСТКА по деревням, всех по одному переберём, никто не скроется.

А кое-кто из крестьян знали же Павла Васильича по прошлым мирным годам, могли и выдать.

Однако сидел Эктов третий месяц, и врал, и плёл, а вот же - не расшифровали?..

Пока Либин как-то, с весёлой улыбкой, даже дружески расположенный к неисправимому демократу-народолюбцу, кстати посадив его под усиленный свет, улыбнулся сочными плотоядными губами:

- Так вот, Павел Васильич, мы прошлый раз не договорили...

И - обвалилось.

Оборвалось.

Уже катясь по круче вниз, последними ногтями цепляясь за кочки надежд: но это ж не значит - и семью? Но, может, Полина с девчуркой поостереглась? сменила место? куда-нибудь уже переехала?..

А Либин, поблескивая чёрными глазами, наслаждаясь растерянностью подследственного, его беспомощным неотрицанием, повернул ему обруч на шее:

- И Полина Михайловна не одобряет вашего упорства. Она теперь знает факты и удивляется, что вы до сих пор не порвали с бандитами.

Несколько минут Эктов сидел на табуретке оглушённый. Мысли плясали в разные стороны, потом стали тормозиться в своём кругообороте - и застывать.

Либин - не спускал глаз. Но и - молчал, не торопил.

Так Полина не могла ни думать, ни говорить.

Но, может, - измучилась до конца?

Но, может, это и повод: дайте увидеться! дайте мне с ней поговорить самому!

два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Либин: э, нет. Это – надо вам ещё заслужить. Сперва своим раскаянием.

И пошло два-три дня так: Эктов настаивал на встрече. Либин: сперва полное раскаяние.

Но Эктов не мог растоптать, что он видел своими глазами и твёрдо знал. И притвориться не мог.

Но и Либин не уступал ни на волос. (Да тем и доказывал, что Полина думает совсем не так! Наверное же не так!)

И тогда Либин прервал поединок – наперехват дыхания: чёрт с вами, не раскаивайтесь! чёрт с вами, оставайтесь в вашем безмозглом народничестве! Но если вы не станете с нами сотрудничать – я вашу Полину отдам мадьярам и ЧОНу на ваших глазах. А девчёнку возьмём в детдом. А вам – пулю в затылок после зрелища, это вы недополучили по нашей ошибке.

Ледяное сжатие в груди. А – что ж тут невозможного для них?

Да подобное и было уже не раз.

Да на таком – они и стоят.

Полина!!.

Ещё день и ещё два дали Эктову ДУМАТЬ.

А можно ли ДУМАТЬ – в застенке угроз, откуда выхода нет? Мысли прокруживаются бессвязно, как впрогрезь.

Пожертвовать женой и Маринкой, переступить через них – разве он мог??

За кого ещё на свете – или за что ещё на свете? – он отвечает больше, чем за них?

Да вся полнота жизни – и были они.

И самому – их сдать? Кто это может?!.

И Полину же ПОТОМ пристрелят. И Маринку не пощадят. ЭТИХ он уже знал.

И – если б он этим спасал крестьян? Но ведь повстанцы – уже проиграли явно. Всё равно проиграли.

Его СОТРУДНИЧЕСТВО – какое уж теперь такое? Что оно может изменить на весах всего проигранного восстания?

Только жертва семьёй – а ничего уже не изменишь.

Как он ненавидел это нагло торжествующее победное смуглое либинское лицо с хищным поблеском глаз!

А в сдаче – есть и какое-то успокоение. То чувство, наверное, с каким женщина перестаёт бороться. Ну да, вы оказались сильнее. Ну что ж, сдаёмся на вашу милость. Род облегчающей смерти.

И уж какую такую пользу он мог сейчас принести красным?

Сокрушился. Однако с условием: дать свидание с Полиной.

Либин уверенно принял капитуляцию. А свидание с женой: только тогда, когда вы выполните наше задание. Тогда – пожалуйста, да просто отпустим вас в семью.

И – что ж оставалось?

Какое немислимо каменное сердце надо иметь, чтобы растоптать своё присердечное?

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
и во имя чего теперь?

Да и мелодичные наговоры Обоянского тоже не прошли без следа. Действительно: сильное племя! Новые гунны – но вместе с тем с социалистической идеологией, странная смесь...

Может быть и правда: мы, интеллигенты старой закалки, чего-то не понимаем? Пути будущего – они совсем не просто поддаются человеческому глазу.

А задание оказалось вот какое: быть проводником при кавалерийской бригаде знаменитого Григория Котовского, героя гражданской войны. (Они только что прошли по мятежному Пахотному Углу и вырубали полтысячи повстанцев.) При том – себе – никакой личины не надо придумывать, тот самый и есть известный Эго, из антоновского штаба. (Антонов – разгромлен полностью, армии его уже нет, но сам он сбежал, ещё скрывается. Да им заниматься не будем.)

А что делать?

А, выяснится по дороге.

(Ну, как-нибудь может быть обойдётся?)

Из Тамбова дорога была недлинная – до Кобылинки, впрочем уже на краю одного из излюбленных партизанских районов.

Всё – верхом. (И чекисты, в гражданском, рядом, неотступно. И полуэскадрон красноармейцев при них.)

А – снова открытый воздух. Открытое небо.

Уже начало июля. Цветут липы. Вдыхать, вдыхать.

Сколько наших поэтов и писателей напоминали об этом: как прекрасен мир – и как принижают и отравляют его люди своими неиссякаемыми злобами. Когда ж это всё утихнет в мире? Когда же люди смогут жить неестественной, неискорёженной, разумной светлой жизнью?.. – мечта поколений.

Несколько вёрст не доезжая Кобылинки встретились с самим Котовским крупная мощная фигура, бритоголовый и совершенно каторжная морда. При Котовском был эскадрон, но не в красноармейской форме, а в мужицких одеяниях, хотя все в сапогах. Бараньи шапки, папахи. У кого, не у всех, нашиты казачьи красные лампасы по бокам брюк. Самодельные казаки?

Так и есть. Приучались называть друг друга не "товарищ", а "станичник".

Старший из сопровождавших Эктова чекистов теперь объяснил ему задачу: этой ночью будет встреча с представителем банды в 450 – 500 сабель. Эго должен подтвердить, что Мы – казаки из кубано-донской повстанческой армии, прорвались через Воронежскую губернию для соединения с Антоновым.

И к ночи дали Эго навесить на бок разряженный наган, и посадили на самую скверную хилую лошадь. (Четверо переодетых чекистов держались тесно при нём как его новая, после разгрома главных антоновских сил, свита. И у них-то наганы – полнозаряженные, "убьём по первому слову".)

И сам Котовский с эскадроном поехал на встречу в дом лесника, у лесной поляны. С другой стороны, тоже с несколькими десятками конников, подъехал Мишка Матюхин, брат Ивана Сергеевича Матюхина, командира ещё неразбитого отряда. (У тамбовцев часто шли в восстание по несколько братьев из одной семьи; так и при Александре Антонове сражался неотлучно его младший брат Митька, сельский поэт. Вместе они теперь и ускользнули.)

Конники остались на поляне. Главные переговорщики вошли в избу лесника, где горело на столе две свечи. Лица разглядывались слегка.

Миша Матюхин не знал Эго в лицо, но Иван-то Матюхин знал.

– Проверит, – сам не узнавал своего голоса Эктов и что он несёт мужикам такую

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
ложь. Но когда уже пошёл по хлипкому мостику, то и не останавливаться стать. И
на Котовского: – А вот начальник их отряда, войсковой старшина Фролов.

(Чтобы не переиграть, Котовский не нацепил на себя казачьих полковничьих
погонов, хотя это было легко доступно.)

Матюхин потребовал, чтобы Эго поехал с ним на сколько-то вёрст для встречи со
старшим братом, удостоверить себя.

Чекистская свита не дрогнула, заминки не вышло, кони под ними боевые и патронов
к наганам запас.

Поехали сперва по лесной просеке, потом поперёк поля, под звёздным небом. Мелкой
рысью и в темноте никому не удивиться, что под Эго-то кобылка никудышняя рядом с
его свитскими.

Трясся в седле Павел Васильевич – и думал ещё раз, и ещё раз, и ещё раз, и думал
отчаянно: вот сейчас открыться Матюхину, себе смерть, но и этих четверых
перебьют!

А полтысячи матюхинских – спасётся. А ведь – отборная сила!

Но – и столько уже раз перекладенные: в голове – аргументы, в груди – живое
страдание. Нет, не за себя, нисколько. А: ведь отомстят Полине, как и угрожали,
если ещё и не малютке-дочке. Чекистов – он и давно понимал, а за эти месяцы на
Лубянке, а за эти дни в переезде – и ещё доскональнее.

И – как же обречь своих?.. САМ ты, СВОИМИ руками?..

Да ведь – проиграна вся боевая кампания Антонова. Если посмотреть шире, в
большом масштабе – может и всей губернии будет легче от замирения наконец. Ведь
вот, отменена уже грабительская подразвёрстка, отныне заменится справедливым
продналогом.

Так скорей к замирению – может и лучше? Раны – они постепенно затянутся. Время,
время. Жизнь – как-то и наладится, совсем по-новому?

А – изныли мы все, изныли.

Доехали. Новая изба, и свет посветлее.

И Иван Сергеич Матюхин – налитой богатырь с разведенными пшеничными усами,
неутомный боец – шагнул навстречу, вознался в Эго, с размаха пожал руку.

Иудина ломота в руке! Кто эти муки оценит, если не испытал?..

А держаться надо – уверенно, ровно, командно.

Прямодушный Матюхин с белым густым чубом, прилегающим набок. Плотные щеки.
Сильное пожатие. Воин до последнего.

Поверил – и как рад: нашего полку прибыло! Ещё тряханём большевиков!

Усмешка силы.

Сговорились: в каком большом селе завтра к вечеру сойдутся обоими отрядами. А
послезавтра – выступим.

Был момент! – Эктову блеснуло: нет!! говорю! застреливайте меня, терзайте семью
– но этих честных я не могу предать!

Но – в этот миг пересохло в горле, как чем горелым.

Пока проглотнул – а кто-то перебил, своё сказал. кто-то – ещё. (Чекисты здорово
играли роли, и у каждого своя история, почему его раньше не видели в восстании.
И выправка у всех – армейская или флотская.)

А решимость – уже и отхлынула. Опала бессильно.

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

На том и разъехались.

И потом растягивался долгий – долгий – долгий мучительный день при отряде Котовского.

Ненависть к себе.

Мрак от предательства.

С этим мраком – всё равно уже не жить никогда, уже не быть человеком. (А чекисты не спускают глаз за каждым движением его бровей, за каждым моргом век.) Да скорей-то всего: как отгодишься, так и застрелят. (Но тогда не тронут Полину!)

К вечеру – вся кавбригада на конях. И – много ряженных в казаков.

Потянулись строем. При Эго – свита его. Котовский – в кубанской лохматой папахе, из-под неё звериный взгляд.

Котовский? или Катовский, от КАТА? На каторге сидел он – за убийство, и неоднократное. Страшный человек, посмотришь на него – в животе обвисает.

В условленное село отряды въехали в сумерках, с двух разных концов. И – расставлялись по избам. (Только котовцы – невсерьёз, кони оседланы, через два часа бойня. А матюхинцы – располагались по-домашнему.)

В большой богатой избе посреди села, где сходились порядки, у церкви – величавая хозяйка, ещё не старуха, с дочерьми и снохами уряжала составленные в ряд столы на двадцатерых. Баран, жареные куры, молодые огурчики, молодая картошка. Самогон в бутылках расставлен вдоль стола, гранёные стаканы к нему. Керосиновые лампы светят и со стены, и на столе стоят.

Матюхинцы – больше рядом, по одну сторону, котовцы – больше по другую. Эго посадили на торце как председателя, видно тех и других.

Какая жизненная сила в повстанческих командирах! Да ведь сколько из них прошли через германскую войну – унтеры, солдаты, а теперь в командирских должностях.

Скуластая тамбовская порода, неутончённые тяжёлые лица, большие толстые губы, носы один-другой картошкой, а то – крупный свисающий. Чубы – белые, кудель, чубы чёрные, один даже с чёрно-кирпичным лицом, к цыгану, зато повышенная белота зубов.

У котовцев условлено: больше гуторить тем, кто по-хохлацки, идут за кубанцев. А донца – среди них ни одного, но расчёт, что тамбовцы не отличают донского говора.

У одного матюхинца – дремуче недоверчивое лицо с оттопыренным подбородком. Мешки под глазами, повисшие чёрные усы. Сильно усталый.

А другой – до чего же лих и строен, усы вскрученные, взгляд метуче зоркий, но весёлый. На углу сидит и, по простору, нога за ногу вскинул, с изворотом. Неожиданности как будто и не ждёт, а готов к ней, и к чему хочешь?

Эго не удержался: дважды толкнул его ногой. Но тот не понял?

А стаканы самогона – заходили, горяча настроение и встречу дружбы. Длинные ножи открывали баранину и копчёный окорок. Дым ядрёной махорки подымался там и сям, стлался к потолку. Хозяйка плавала по зальцу, молодые бабы спешили угадать – подать – убрать.

А вдруг какое чудо произойдёт – и всё спасёт? Матюхинцы сами догадаются? спасутся?

"Подхорунжий" (комиссар и чекист) "Борисов" поднялся и стал читать измышленную "резолюцию всероссийского совещания повстанческих отрядов" (которое надо собрать теперь). Советы без коммунистов! Советы трудового крестьянства и казачества! руки прочь от крестьянского урожая!

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

Один матюхинец – не старый, а с круглой распущенной бородой, пушистыми усами, устоенное жизнью лицо – смотрел на читающего спокойными умными глазами.

Рядом с ним – как из чугунной отливки, голова чуть набок, косит немного.

Ох, какие люди! Ох, тяжело.

Но сейчас – уже ничего не спасёшь, хоть и крикни.

А Матюхин, подтверждая подхорунжего, стукнул кулачищем по столу:

– Уничтожим кровавую коммунию!

А молодой лобастый, белые кудлы выются как завитые, сельский фронт, закричал с дальнего конца:

– Вешать мерзавцев!

Котовский – к делу: но где же Антонов сам? Без него у нас вряд ли выйдет.

Матюхин:

– Пока не найдём. Говорят, контужен в последней рубке, лечится. Но всех тамбовцев поднимем и мы, опять.

И план его ближний: напасть на концлагерь под Рассказовом, куда согнали и вымаривают повстанческие семьи. Это – первое наше дело.

Котовский – согласен.

Котовский – сигнал?..

И – разом котовцы вырвали с бёдер кто маузер громадный, кто наган и стали палить через стол в СОЮЗНИКОВ.

Грохот в избе, дым, гарь, вопленные крики баб. Один за другим матюхинцы валились кто грудью на снесь, на стол, кто боком на соседа, кто со скамейки назад, в опрокид.

Упала лампа на столе, керосин по клеёнке, огонь по ней.

Этот лихой, зоркий, с угла – успел отстреляться дважды – и двух котовцев наповал. Тут и его – саблей напрочь голову со вскрученными усами, – так и полетела на пол, и алая – хлынула из шеи на пол, и кругом.

Эков не вскочил, окаменел. Хоть бы – и его поскорей, хоть из нагана, хоть саблей.

А котовцы выбегали из избы – захватывать переполошенную, ещё не понявшую матюхинскую там, снаружи, охрану.

А уже конные котовцы гнали на другой конец села – рубить и стрелять матюхинцев – во дворах, в избах, в постелях – не дать им сесть на коней.

Кто успевал – ускакивал к ночному лесу.

* НА КРАЯХ *

1

Ёрка Жуков, сын крестьянский, с 7 лет поспевал с граблями на сенокосе, дальше – больше в родительское хозяйство, в помощь, но и три года церковно-приходской кончил, – потом его отдали в саму Москву к дальнему богатому родственнику, скорняку, мальчиком-учеником. Там он и рос – и в прислуге, и в погонках, и в работе – и так, помалу, определился к скорняжному делу. (Кончив учение – снялся в чёрном костюме чужом и в атласном галстуке, послал в деревню: "мастер-скорняк"!)

Но началась германская война, и в 15-м году, когда исполнилось Ёрке 19 лет, - призвали его, и, хотя не рослый, но крепкий, широкоплечий, отобран был в кавалерию, в драгунский эскадрон. Стал учиться конному делу, с хорошей выпряжкой. Через полгода возвысился в учебную команду, кончил её младшим унтером - и с августа 16-го в драгунском полку попал на фронт. Но через два месяца контузило его от австрийского снаряда; госпиталь. Дальше стал Жуков председатель эскадронного комитета в запасном полку - да уже на фронт больше и не попадал. В конце Семнадцатого сами они свой эскадрон распустили: роздали каждому законную справку чин чином, и оружие каждый своё бери, коли хошь, - и айда по домам.

Побыл в Москве, побыл в своей калужской деревне, перележал в сыпном тифу, частом тогда, перележал и в возвратном, так время и шло. Меж тем, в августе 18-го, начиналась всеобщая мобилизация в Красную армию. Взяли Жукова в 1-ю Московскую кавалерийскую дивизию - и послали их дивизию против уральских казаков, не желавших признать советскую власть. (На том фронте повидал он раз и Фрунзе.) С казаками порубились, отогнали их в киргизскую степь - перевели дивизию на Нижнюю Волгу. Стояли под Царицыном, потом посылали их на Ахтубу против калмыков: калмыки как сдурели, все как один советской власти не признавали, и не втямишь им. Там Ёрку ранило от ручной гранаты, опять госпиталь и ещё раз опять тиф эта зараза по всем перекидывалась. В том 1919 году ещё с весны Георгия Жукова как сознательного бойца приняли в РКП(б), а с начала 20-го продвинули как бы в "красные офицеры": послали на курсы красных командиров под Рязань. И среди курсантов он тоже сразу стал не рядовой, а старшина учебного эскадрона, пёрло из него командное.

Гражданская война уже шла к концу, оставался Врангель один. Считали курсанты, что и на польскую они уже не успеют. Но в июле 1920 учение их прервали, спешно погрузили в эшелоны и повезли часть на Кубань, часть в Дагестан (и там многие курсанты погибли). Жуков попал в сводный курсантский полк в Екатеринодар - и послали их против десанта Улагая, потом против кубанских казаков, разбившихся на отряды в пригорьях и не желавших, скажем, сдаваться даже и после разгрома Деникина. Порубали там, постреляли многих. На том курсантское учение посчитали законченным и в Армавире досрочно выпустили их в красные командиры. И выдали всем новые брюки - но почему-то ярко-малиновые, с каких-то гусарских складов? других не оказалось. И выпускники, разъехавшись по частям, стали дивно выделяться - вчуже странно смотрели на них красноармейцы.

Принял Жуков командование взводом, но вскоре же возвысили его в командира эскадрона. А операции их были всё те же и те же: "очищать от банд". Сперва - в приморском районе. В декабре перевезли в Воронежскую губернию: ликвидировать банду Колесникова. Ликвидировали. Тогда перевели в соседнюю Тамбовскую, где банды разыгрались уже неисчислимо. Зато ж и тамбовский губернский штаб тоже сил натянул: уже к концу февраля, говорил комиссар полка, состояло 33 тысячи штыков, 8 тысяч сабель, 460 пулемётов и 60 орудий. Жаловался: вот нет у нас политических работников, которые могли бы внятно осветить текущий момент; это - война, развязанная Антантой, отчего смычка города с деревней нарушилась. Но будем стойки - и разгоним шушеры!

Два их кавалерийских полка стали наступать в марте, ещё до оттепели, от станции Жердёвка на бандитский район Туголуково - Каменка. (Распоряжение было председателя губЧК Трасковича: Каменку и Афанасьевку вообще стереть с лица земли, и применять беспощадный расстрел!) Эскадрон Жукова при четырёх станковых пулемётах и одном трёхдюймовом орудии шёл в головном отряде. И под селом Вязовое атаковали отряд антоновцев - сабель в 250, ни одного пулемёта, огонь их винтовочный.

Был Жуков на золотисто-рыжей Зорьке (взял в Воронежской губернии в стычке, застрелив хозяина). А тут - рослый антоновец рубанул его шашкой поперёк груди, через полушубок, сшиб с седла, но свалился и Зорька и придавила своего эскадронного, громадный антоновец замахнулся дорубить Жукова на земле, но подоспел сзади политрук Ночёвка - и срубил того. (Потом обыскали мёртвого и по письму поняли, что был он такой же драгунский унтер, как и Жуков, да чуть не из одного полка.) Стал отступать и соседний 1-й эскадрон, жуковский 2-й отбивался как арьергард полка, только и отбил пулемётами. Еле спас свои четыре пулемёта на санях, утянули и орудие назад.

Но - обозлился на бандитов сильно. Они ж тоже были из мужиков? - но какие-то

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru другие, не как наши калужские: уж что они так схватились против своей же Советской власти?? Из дому писали: голодом моримся, - а эти хлеба не дают! Комиссар так говорил: правильно, не шлём мы им городских товаров, потому у самих нет, да ведь они как-нибудь и своим кустарством обернутся, а городу - откуда хлеба взять? Да они по глухим местам, где наши отряды не прошли, - объедаются.

Ну, так и оставался с ними разговор короткий. Уж всегда, придя в село, отбирали у них лошадей покрепче, а им давали подохлей. Когда приходил донос, что антоновцы в таком-то селе, - налетали на село облавой, обыскивали по чердакам, в подворных сараях, в колодцах (один партизанский фельдшер вырыл себе в колодце боковое логово и прятался там). Или иначе: выстраивается всё село, от стара до мала, тысячи полторы человек. Отсчитали каждого десятого - и в заложники, в крепкий амбар. Остальным - 40 минут на составление списков бандитов из этого села, иначе заложники будут расстреляны!

И куда денешься? - несут список. Полный-неполный, а в Особотдел, в запас, пригодится.

Да ведь и у НИХ осведомление: раз пришли на стоянку бандитов, покинутую в поспехе, - и нашли там копию того приказа, по которому сюда и выступили. Во работают, вражины!

А снабжение в Красной армии - сильно перебойчатое, то дают паёк, то никакого. (Командиру эскадрона - 5 тысяч рублей в месяц оклад, а что на них купишь? фунт масла да два фунта чёрного хлеба.) У кого ж и брать, как не в этих бандитских сёлах? Вот прискакал взвод в посёлок при мельнице, несколько домов всего и одни бабы. Красноармейцы, не сходя с лошадей, стали баб погонять плётками, загнали их всех в кладовку при мельнице, заперли. Тогда пошли шарить по погребам. Выпьют махотку с молоком, а горшок - обзёмь, озлясь.

А заставили крестьянского подростка гнать свою телегу с эскадронной клажей вместе с красной погоней, он от сердца: "Да уж хоть бы скорей вы этих мужиков догнали, да отпустили бы меня к мамане".

А один, совсем мальчонка, ещё не понимая, без зла: "Дядь, а за что ты моего батьку застрелил?"

Поймали два десятка повстанцев, допрашивали порознь, и один указал на другого: "Вот он был пулемётчик".

Малым разъездом вступишь в село - все затворились, будто вымерли. Стучишь, оттуда бабий голос: "Не прогневайтесь, у самих ничего нет, голодуем". Ещё стучишь - "Да мы веру всяку потеряли, тут какие властя ни приходят, а все только норовят хлеба получить".

Уже так запугались - ни за власть, ни за ПАРТИЗАНТОВ, а только: душу отпустите.

На политзанятиях предупреждали: "Излишне не раздражать население". Но и так: "А вы уши не развешивайте, а чуть что - прикладом в морду!"

Но и у красноармейцев опасно замечалась неохотливость идти с оружием против крестьян ("мы ж и сами крестьяне, как же в своих стрелять?"). А ещё и бандиты подкидывали листовки: "Это вы - бандиты, не мы к вам лезем. Уходите из наших мест, без вас проживём". Откуда-то потекла басня, что в близких неделях выйдет всем демобилизация. "А ждать нам доколе? а ещё сколько воевать?" (Были и сбега к бандитам или в дезертиры, особенно при больших перебросках.) Политрук Ночёвка говорил: "Надо таких обратно воспитывать! А то ведь и когда напьются - чего поют? Ни одной революционной песни, всё - "Из-за острова", или похабные. А как в селе заночуем - пока ихние мужики в лесу, наши бабьим классом пользуются". И проводил беседы: "Проживать на свете без трудов и без революционных боёв - это тунеядство!" (А ему тычут - фельдшерицу, на весь дивизион развязную: "Я не кулеш, меня всю не доешь, и на эскадрон хватит".)

На утренней поверке так и жди: кого нет, дал жигача? Надо своих-то красноармейцев крепкими шенкелями держать. Военрук из губвоенкомата говорил: по Тамбовской губернии - 60 тысяч дезертиров. Это ж всё бандитам на пополнение.

А приказы из тамбовского штаба и по полку никогда не были строго военные -

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
полоса там разведки или порядок боевой операции, а всегда только: "атаковать и уничтожить!", "окружить и ликвидировать!", "не считаясь ни с чем!"

И не считались. Только – как бандитов выловить? как дознать? Ведь советской власти в деревнях уже не осталось, все сбежали, отсиживаются в городах, кого спросить? Армейский командир и велит созвать сельский сход. Из мужиков – построение в одну шеренгу. "кто среди вас бандиты?" Молчание. "Расстрелять каждого десятого!" И – расстреляют тут же, перед толпой. Бабы ахают навскличь, воют. "Сомкнуть строй. Кто среди вас бандиты?" Пересчёт, отбирают на новый расстрел. Тут уж не выдерживают, начинают выдавать. А кто – подхватился и наутёк, в разные концы, не всех и подстрелишь.

Иногда арестовывали одиноких баб на дорогах: не несёт ли шпионский донос.

А по какой дороге много лошадиного помёта – знать, бандиты проскакали.

Да сами бойцы нередко голодовали. И обувь порвалась, и обмундирование истрёпанное, измызганное, в нём и спят, не раздеваясь. (А уж что – с малиновыми штанами!) Измучились.

А если ногу ампутировать – так без наркоза, ещё и бинтов нет.

В середине апреля достиг Жердёвки слух: антоновцы налётом захватывали крупное фабричное село Рассказово, в 45 верстах от самого Тамбова, и держали его 4 часа, вырезали коммунистов по квартирам, отрубали им головы начисто, половина тамошнего советского батальона перешла к антоновцам, другую половину они взяли в плен – и отступили под аэропланной стрельбой.

Вот – такая пошла с ними война! а теперь, от зимы к весне, станет ещё шибче. И ведь уже 8 месяцев антоновцы не сдавались и даже росли. (Хотя стреляли иногда не пулями, а какими-то железками.)

Был приказ тамбовского штаба: "Все операции вести с жестокостью, только она вызывает уважение".

Пробандиченные деревни и вовсе сжигали, нацело. Оставались остовы русских печей да пепел.

Не отдыхал и Особый отдел в Жердёвке. Начальник его, Шурка Шубин, в красной рубахе и синем галифе, ходил обвешанный гранатами, и здоровенный маузер в деревянной кобуре, приходил и к кавалеристам во двор (строевой командир подчиняется начальнику Особотдела): "Ребята! кто пойдёт бандитов расстреливать? – два шага вперёд!" Никто не выступил. "Ну, навоспитали вас тут!" А свой особотдельский двор у него весь был нагнан, кого расстреливать. Вырыли большую яму, сажали лицом туда, на край, руки завязаны. Шубин с подсобными ходили – и стреляли в затылки.

А – что же с ними иначе? Был у Ёрки хороший друг, однофамилец, тоже Жуков, Павел, – зарубили бандиты, на куски.

Война – настоящая, надо браться ещё крепче. Не на той германской вот тут-то Ёрка и озверился, вот тут-то и стал ожестелым бойцом.

В мае – давить тамбовских бандитов прибыла из Москвы Полномочная комиссия ВЦИКА во главе тоже с Антоновым, но Антоновым-Овсеенко. А командовать Особой Тамбовской армией приехал – с поста Командующего Западным фронтом, только что расквитавшись с Польшей, – командарм Тухачевский, помощником его – Уборевич, который уже много управлялся с бандитами, только в Белоруссии. Тухачевский привёз с собой и готовый штаб и автоброневой отряд.

И в близких днях посчастливилось Жукову и самому повидать знаменитого Тухачевского: тот на бронелетучке, по железной дороге, приехал в Жердёвку, в штаб отдельной 14-й кавбригады, и комбригу Милонову велел собрать для беседы командиров и политруков: от полков до эскадронов.

Ростом Тухачевский был не высок, но что за выstupка у него была гордая, гоголистая. Знал себе цену.

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Начал с похвалы всем – за храбрость, за понимание долга. (И у каждого в груди – тепло, расширилось.) И тут же стал объяснять общую задачу.

Совнарком распорядился: с тамбовской пугачёвщиной кончить в шесть недель, считая от 10 мая. Любой ценой! Всем нам предстоит напряжённая работа. Опыт подавления таких народных бунтов требует наводнить район восстания до полного его оккупирования и планово распределить по нему наши вооружённые силы. Сейчас прибыла из-под Киева, высадилась в Моршанске и уже пошла на мятежный Пахотный Угол прославленная кавдивизия Котовского. Потом она подойдёт сюда, к центру восстания. Наше большое техническое преимущество над противником: отряд аэропланов и автоброневой отряд. Из наших первых требований к жителям будет: восстановить все мосты на просёлочных дорогах – это для проезда моторных самодвижущих частей. (Только никогда не пользуйтесь проводниками из местных жителей!) Ещё в запасе у нас – химические газы, и если будет надо – применим, разрешение Совнаркома есть. В ходе предстоящего энергичного подавления вам, товарищи командиры, представляется получить отличный военный опыт.

Жуков неотрывно вглядывался в командарма. Кажется, первый раз в жизни он видел настоящего полководца – совсем не такого, как мы, простые командиры-рубаки, да хоть и наш комбриг. И как в себе уверен! – и эту уверенность передаёт каждому: вот так точно оно всё и произойдёт! А лицо его было – совсем не простонародное, а дворянское, холёное. Тонкая высокая белая шея. Крупные бархатные глаза. Височки оставлены длинными, так подбриты. И говорил сильно не по-нашему. И очень почему-то шёл ему будёновский шлем – наш всеобщий шлем, а делал Тухачевского ещё командиром.

Но конечно, добавлял, будем и засылать побольше наших агентов в расположение бандитов, хотя, увы, чекисты уже понесли большие жертвы. А ещё главное наше оружие – воздействие через СЕМЬИ.

И прочёл уже подписанный им "приказ № 130", издаваемый в эти дни на всю губернию, ко всеобщему сведению населения. Язык приказа был тоже бесспорно уверенный, как и сам молодой полководец. "Всем крестьянам, вступившим в банды, немедленно явиться в распоряжение Советской власти, сдать оружие и выдать главарей... Добровольно сдавшимся смертная казнь не угрожает. Семьи же неявившихся бандитов неукоснительно арестовывать, а имущество их конфисковывать и распределять между верными Советской власти крестьянами. Арестованные семьи, если бандит не явится и не сдастся, будут пересылаться в отдалённые края РСФСР".

Хотя всякое собрание с большим участием коммунистов, как это сегодняшнее, не могло закончиться ранее общего пения "Интернационала", Тухачевский разрешил себе этого не ожидать, подал белую руку одному лишь комбригу, той же гордой выступкой вышел вон, и тут же уехал бронелетучкой.

И эта дерзкая властность тоже поразила Жукова.

А тут, ещё до Интернационала, командирам раздавали листовку губисполкома к крестьянам Тамбовской губернии: пора избавиться от этого гнояного нарыва антоновщины! До сих пор преимущество бандитов было в частой смене загнанных лошадей на свежих, – так вот, при появлении преступных шаек Антонова поблизости от ваших сёл – не оставляйте в селе ни одной лошади! угоняйте их и уводите туда, где наши войска сумеют сохранить.

Когда уже и все расходились с совещания, Жуков пошёл с каким-то встрявшим в него новым чувством – и одарения, и высокого примера, и зависти.

Просто воевать – и всякий дурак может. А вот – быть военным до последней косточки, до цельного дыхания, и чтобы все другие это ощущали? Здорово.

А ведь и Жуков? – он и правда любил военное дело больше всякого другого.

И потекли эти шесть недель решающего подавления. Из отряда Уборевича помогли не так броневики, – они пройти могли не везде, и проваливались на мостах, – как его же лёгкие грузовики и даже легковые автомобили, вооружённые станковыми и ручными пулемётами. Крестьянские лошади боялись автомобилей, не шли в атаку на них – и не могли оторваться от их погони.

А ещё было хорошее преимущество: у антоновцев, конечно же, не было радио, и

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru потому преследующие части могли пользоваться между собой радио без шифра, что облегчало переговоры и убыстряло передачу сведений. Антоновцы скакали, думая, что их никто не видит, а уже по всем уздам передавалась искровая связь: где бандиты, куда скачут, куда слать погоню, где перерезать им путь.

И стали гоняться, ловить главное ядро Антонова – навязать ему большой бой, от которого он уклонялся. С севера пошла на него бригада Котовского, с запада бригада Дмитриенко, добавился ещё один отряд ВЧК Кононенко – семь полутораторных "фиатов" и ещё со своими машинами цистернами. Антонов натёкался на облаву, тут же умётывался, на сменных лошадях делал переходы по 120–130 вёрст в сутки, уходил в Саратовскую губернию к Хопру, тут же возвращался. И 14-я бригада, как и вся красная конница, всюду отставала, гнались уже только автобронеполки. (Рассказывали, что раз автоотряд настиг–таки Антонова – на отдыхе в селе Елань, неожиданно, и покотил по селу, из пулемётов с машин расстреливая бандитов. Но те кинулись к лесу, там собрались и держались, а у наших отказала часть пулемётов. И конница наша опять опоздала, и опять ушли антоновцы, или расплылись – не узнаешь.)

Прошло три недели, уже полсрока от назначенного Совнаркомом, – а не был разбит Антонов. Кавбригады двигались наощупь, ждали вестей от осведомителей. Оба автоотряда ждали запасных частей и бензина. А по обмыкающим железным дорогам сновали бронепоезд и бронелетучка – тоже выслеживать пути бандитов или перерезать их. А – впустую.

И вот прислали, впрочёт по эскадронам и ротам, секретный 0050 приказ Тухачевского: "С рассвета 1 июня начать массовое изъятие бандитского элемента", – то есть, значит, прочёсывать сёла и хватать подозрительных. Жуков, читая своему эскадрону, как бы видел Тухачевского, вступил в него самого – и его голосом и повадкой? – читал от полной груди: "Изъятие не должно нести случайного характера, но должно показать крестьянам, что бандитское племя и семьи неукоснительно удаляются, что борьба с Советской властью безнадежна. Провести операцию с подъёмом и воодушевлением. Поменьше обывательской сантиментальности. Командующий войсками Тухачевский".

Жуков – рад был, рад был состоять под таким командованием. Это так, это – по-солдатски: прежде, чем командовать самому, надо уметь подчиняться. И научиться выполнять.

И – изымали, сколько нагребли. Отправляли в концлагеря, семьи тоже. Отдельно.

А через несколько дней, как раз, опять нащупали главное ядро Антонова – далеко, в верховьях Вороны, в ширяевском лесу (по сведениям, прошлый раз, при атаке автоотряда, Антонов был ранен в голову). Тут добавилась ещё одна свежая кавбригада – Федько, ещё один полк ВЧК и ещё один бронепоезд. И все выходы из ширяевского леса были закрыты наглухо. Но поднялась сильная ночная гроза. Из-за неё командир полка ВЧК снял роты с позиций и отвёл на час–два в ближние деревни. А бронелетучка, непрерывно курсировавшая на семивёрстном отрезке от Кирсанова до реки Вороны, была отведена для пропуска личного поезда Уборевича, а затем и столкнулась с ним в темноте. А антоновцы, точно угадав и прореху в кольце и нужные полчаса, – вышли из окружения, всё под той же страшной грозой, и – скользнули в чутановский лес.

Нашли антоновцы ответ и на приказ No 130: велели никому в деревнях не называть своих имён – и тем ставить красных в тупик: горбыляй его, не горбыляй – не называется, зараза.

Как оглохли, ослепли мы.

Но штаб подавления и тут нашёл ответ, 11 июня, приказ No 171: "ГРАЖДАН, ОТКАЗЫВАЮЩИХСЯ НАЗЫВАТЬ СВОЁ ИМЯ, РАССТРЕЛИВАТЬ НА МЕСТЕ, БЕЗ СУДА. В сёлах, где не сдают оружие, расстреливать заложников. При нахождении спрятанного оружия – расстреливать без суда старшего работника в семье". В семьях, укрывающих не то что самих бандитов, но хотя бы переданное на хранение имущество их, одежду, посуду, – старшего работника расстреливать без суда. В случае бегства семьи бандита имущество ещё распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать. Подписал – Антонов-Овсеенко.

Нельзя себя не называть? – тогда семьи повстанцев стали сами уходить из

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru деревень. Так – вдобавок – новый на них приказ Полномочной Комиссии ВЦИК: "Дом, из которого семейство скрылось, разбирать или сжигать. Тех, кто скрывает у себя семьи, – приравнять к семье повстанцев; старшего в такой семье – расстрелять. Антонов-Овсеенко".

А ещё через пяток дней – от него же ещё приказ, к обнародованию, No 178: со стороны жителей "неоказание сопротивления бандитам и несвоевременное сообщение о появлении таковых в ближайший ревком будет рассматриваться как сообщничество с бандитами, со всеми вытекающими последствиями. Полномочная Комиссия ВЦИК, Антонов-Овсеенко".

Как варом их поливали, как клопов выжигали!

А от чёткого хладнокровного командарма – ещё один секретный, 0116: "Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами. Точно рассчитать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нём прячется. Командующий войсками Тухачевский".

Слишком крепко? А без того – больших полководцев не бывает.

2

Считается, что с семидесяти лет вполне уместно и прилично писать мемуары. А вот досталось: начал и на семь лет раньше.

В тишине, в ненужности – чем и заняться? Год за годом вынужденный и томительный досуг.

Перестали звонить, тем более навещать. Мир – замолк и замкнулся. А пережить эту пору – может и лет нет.

А даже, по ряду соображений, и нельзя не написать. Для истории пусть будет. Уже многие кинулись писать. И даже опубликовали.

А потому торопятся, что хотят пригрести славу к себе. А неудачи свалить на других.

Нечестно.

Но – и работища же какая невывольная! От одного перебора воспоминаний разомлешь. Какие промахи допустил – бередят сердце и теперь. Но – и чем гордишься.

Да ещё надо хорошо взвесить: о чём вообще НЕ НАДО вспоминать. А о чём можно – то в каких выражениях. Можно такое написать, что и дальше погоришь, потеряешь и последний покой. И эту расчудесную дачу на берегу Москва-реки.

Какой тут вид. С высокого берега, и рядом – красавицы сосны, взлётные стволы, есть и лет по двести. Отсюда – спуск, дорожка песчаная, с присыпом игл. И – спокойный изгиб голубоватого течения. Оно – чистое тут, после рублёвского водохранилища, заповедника. И если гребёт лодка знаешь, что – кто-то из своих, или сосед. Никто тут не браконьерствует, никто не озорует.

Через заднюю калитку есть тропинка к реке, можно спуститься. Но Галя – не ходит, а Машеньку семилетнюю тем более без себя не пускает. А тебе когда под семьдесят – приятней сидеть наверху, на веранде. Теперь – даже и по участку с палицей.

Стал и недослышивать. Не всякую птицу, не всякий шорох.

Дача-то хороша-хороша, да только государственная, и на каждой мебелишке – инвентарный номер прибит. Владение – ПОЖИЗНЕННОЕ. Вот умрёшь – и Галю, в 40 лет, с дочуркой, с тещей, и выселят тотчас. (Первой семьи – уже нет, дочери замужние отделились.)

А два инфаркта уже было (если только инфаркта). Но растянуло, рассосало, прошло. После второго – и взялся писать.

Последний простор старости. Подумать-подумать, посмотреть на реку, что-нибудь и

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru дописать.

А то – голова заболит. (Иногда болит.)

Скучней всего писать о временах давно прошлых. Об отрочестве своём. Об империалистической войне. Да и о своей эскадронной молодости – что писать, чем отличился? Настоящий интерес начинается с того времени, как уже прочно устоялся советский строй. Устойчивая военная жизнь только и началась с 20-х годов: тренировка в разнообразнейшей кавалерийской службе, отработка в тактических учениях, и, как вершина всего, манёвры. Безупречно подчиняется тебе твоё тело, взмах руки с коня, сам конь – и: сперва – твой эскадрон, потом – твой полк. Твоя бригада. Наконец, когда-то, и твоя дивизия. (Дал Уборевич, высмотрел воина.) А ещё сильнее себя ощущаешь как частица единого великого организма железной Партии. (Всегда мечтал быть похожим на замечательного большевика Блюхера – мытищинского рабочего, получившего, сперва в шутку, кличку известного немецкого полководца.)

Увлекаешься тактической учёбой и, конечно, в практических делах чувствуешь себя сильней, чем в вопросах теории. А вот – возьмут тебя на год в высшую кавалерийскую школу, а там зададут тебе тему доклада: "Основные факторы, влияющие на теорию военного искусства", – и как в лепёшку тебя расшибли: чего это такое? какие факторы? о чём тут говорить? кого спросить? (Приятель по курсам Костя Рокоссовский подмог. А другой приятель, Ерёмenko, – ну просто дуб.)

И так – ты служишь и служишь вполне успешным кавалерийским командиром, знающим конником. Одно желание: хочется, чтобы твоя дивизия стала лучшей в РККА. Часто тебя упрекают в резкой требовательности, погоняльстве – но это и хороший признак, только такой и может быть воинская служба. Вдруг – подняли от дивизии на помощника инспектора всей кавалерии РККА, при Семёне Михайловиче Будённом. Поручают – и ты пишешь боевой устав конницы, это вполне понятная работа. А – кто тебе проверщиком? Обомлеешь: Тухачевский! Тот самый красавец и умница, которого видел раз в Тамбовской губернии, – а теперь два месяца встречались. (А как неуклонного коммуниста – тебя выбирают и секретарём партбюро всех инспекций всех родов войск.) Тебе – 40 лет. С годами, разумеется, будет и ещё продвижение в должностях и чинах.

А оглядываясь по стране – как же много мы сделали: индустрия на полном ходу, и колхозный строй цветёт, и единство наций, – да что хочешь.

Но вот, в 1937–38, прямая незамысловатая военная служба вдруг стала – лукавой, скользкой, извилистой. Вызывает высший окружной политрук, некий Голиков: "Среди арестованных – нет ли ваших родственников?" Уверенно: "Нет". (Твоя и мать, и сестра – в калужской деревне, вот и всё.) – "А среди друзей?" "Друг" – это не такое чёткое определение, как "родственник". С кем знаком был, встречался, – это "друг"? не друг? как отвечать? "Когда Уборевич посещал вашу дивизию, он у вас дома обедал". Не отопрёшься. (Больше чем обедал! – покровительствовал.) Да ещё Ковтюх, до последних месяцев "легендарный", и вдруг "враг народа". А тут ещё и Рокоссовского ПОСАДИЛИ... "И вы не изменили о них мнения после ареста?" Ну, как же бы: коммунист – и мог бы тут не изменить мнения?.. Мол, изменил. "И вы крестили свою дочку в церкви?" Вот тут уверенно: "клевета! клевета!" Перегнули в обвинениях. (Никто Эру не крестил.)

И на партийных собраниях разгулялись теперь всякие язвы. Опять обвиняют в повышенной резкости (как будто это – недостаток боевого командира), в жёсткости, в грубости, что не знал снисходительности (а иначе – какая служба?), даже во ВРАЖЕСКОМ ПОДХОДЕ К ВОСПИТАНИЮ КАДРОВ: замораживал ценные кадры, не выдвигал. (Вот этих клеветников и не выдвигал. Да некоторые и клеветают-то не со зла, а только – чтобы через то самим наперёд обелиться.) Но и тут как-то отбилась.

А – новая беда: выдвигают командовать корпусом. Однако в их Белорусском военном округе командиры корпусов арестованы уже почти все до одного. Значит – это шаг не к возвышению, а в гибель. Безо всякой войны, без единого сабельного удара – и вот сразу в гибель? Но и отказаться нельзя.

Только то спасло, что как раз, как раз в этот момент и кончились аресты. (Уже после XX съезда узнал: в 1939 открывали на Жукова дело в Белорусском округе.)

И вдруг – срочно вызвали в Москву. Ну, думал – конец, арестуют. Нет! Кто-то

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru посоветовал Сталину – послали на боевое крещение, на Халхин-Гол. И – вполне успешно, проявил неуклонность командования, "любой ценой"! Кинул танковую дивизию, не медля ждать артиллерию и пехоту, – в лоб; две трети её сгорело, но удалось японцам нажарить! И – сам товарищ Сталин тебя заметил, особенно по сравнению тут же с финской войной, бездарно проваленной, как будто не та же Красная армия воевала. Заметил – и уже надолго вперёд. Сразу после финской Жуков был принят Сталиным – и назначен командовать Киевским военным округом! – огромный пост.

Но полгода всего прошло – новое распоряжение: передать округ Кирпоносу, а самому – в Москву. А самому – выговорить нельзя: начальником Генерального штаба! (И всего лишь – за Халхин-Гол.)

Искренно отказывался: "Товарищ Сталин! Я никогда не работал в штабах, даже в низших", – и сразу на Генеральный? За 45 лет никакого военно-академического, оперативно-стратегического образования не получал – как можно честному простому кавалеристу справиться с Генштабом, да при нынешнем многообразии родов войск и техники?

А ещё ведь боязно, знал: начальники Генштаба стали меняться по два в год: полгода Шапошников, заменили Мерецковым, теперь сняли Мерецкова и, говорят, посадили, – а теперь тебя?.. (И такая же чехарда в Оперативном управлении Генштаба.)

Нет, принять пост! И ещё – кандидатом в члены ЦК. Каково доверие!

Очень тёплое, ласковое впечатление осталось от того сталинского приёма.

Вот тут-то – и главная трудность мемуаров. (Хоть вообще брось их писать?..) Как о главе правительства, Генеральном Секретаре партии и вскоре Верховном Главнокомандующем писать – генералу, который часто, много соприкасался с ним в Великую Войну, и в очень разных настроениях Верховного, – и даже стал его прямым заместителем? Участнику той войны поверить нельзя, как с тех пор Верховного развенчали, балабаны, чуть не оплевали разными баснями: "командовал фронтами по глобусу..." (Да, большой глобус стоял у него в комнате рядом с кабинетом – но и карты же висели на стене, и к работе ещё другие раскладывались на столе – и Верховный, шагая, шагая из угла в угол с трубкой, подходил и к картам, чтобы чётче понять докладываемое или указать требуемое.) Сейчас вот главного озорного пустоплётца и самого скинули – по шапке и по шее. И, может, – постепенно, постепенно восстановится почтение к Верховному. Но в чём-то нанесен и непоправимый ущерб.

И вот ты, если не считать членов Политбюро, соприкасался с Ним тесно и, как никто, профессионально. И бывали очень горькие минуты. (Когда сердился, Сталин не выбирал выражений, мог обидеть совсем незаслуженно, барабанную нужно было шкуру иметь. А погасшая трубка в руке – верный признак беспощадного настроения, вот сейчас обрушится на твою голову.) Но бывали и минуты – поразительного сердечного доверия.

И – как теперь написать об этом честно и достойно?

Тут ещё то, что смежность в самые напряжённые – и обманувшие! предвоенные месяцы связала же вас и смежной ответственностью: Верховный ошибся? промахнулся? просчитался? – а почему же ты не поправил, не предупредил Его, хоть и ценой своей головы? Разве ты уж вовсе не видел, что от принятой в 30-х годах повелительной догмы "только наступать!" на всех манёврах, и в 40-м – 41-м, наступающая сторона ставилась нарочито в преимущественное положение? Ведь – мало занимались обороной, и уж вовсе не занимались отступлениями, окружениями – такого в голову не приходило, – и ведь тебе тоже? И пропустил такое сосредоточение немецких сил! Да ведь всё летали, летали немецкие самолёты над советской территорией, Сталин верил извинениям Гитлера: молодые, неопытные лётчики. Или вдруг в 1941 возгорелось у немцев искать по нашу сторону границы немецкие могилы Первой мировой войны? – ничего, пусть ищут... А ведь это – какая разведка! Но тогда казалось Жукову, что – нет на земле человека осведомлённей, глубже и пронизательней Сталина. И если Он до последнего надеялся, что войну с Гитлером удастся оттянуть, то и ты же не вскрикнул, хоть и предсмертным криком: нет!!

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Кто не бывал скован даже только отдалённым грозным именем Сталина? А уж прямо к нему на приём – всякий раз идёшь как на ужас. (И всё-таки выпросил у него освободить Рокоссовского из лагеря.) Скован был Жуков ещё и от неуверенности своей в стратегических вопросах, неуместности своей в роли начальника Генштаба. А сверх того, конечно, и от крайней всегда неожиданности поведения Верховного: никогда нельзя было угадать, для чего он сейчас вызывает? И как надёжней отвечать на такие его вопросы: "А что вы предлагаете? А чего опасаетесь?" Выслушивал же доклады кратко, даже как бы пренебрежительно. Напротив, о многом, о чём Сталина осведомляли другие, он с Генштабом не делился. Жуков был для него – пожарной, успешной командой, которую Верховный и дёргал и посылал внезапно.

Грянула война – и в эти первые часы своей небывалой растерянности, которой не мог скрыть, – только через четыре часа от начала войны посмели дать военным округам команду сопротивляться, да было уже поздно, – тут же швырнул начальника Генштаба – в Киев, спасать там ("здесь – без вас обойдёмся"). Но всё Верховное командование велось наугад. И через три дня дёрнул назад, в Москву: надо, оказалось, спасать не Юго-Западное направление, а Западное. И – открылся фразой в жалобном тоне: "В этой обстановке – что можно сделать?" (Жуков смекнул дать несколько советов, и в том числе: формировать дивизии из небооружённых московских жителей много их тут околачиваются, а через военкоматы долго. И Сталин тут же объявил – сбор Народного Ополчения.)

От этой замеченной шаткости Сталина Жуков отваживался на веские советы. В конце июля осмелился посоветовать: сдать Киев и уходить за Днепр, спасать оттуда мощные силы, чтоб их не окружили. Сталин с Мехлисом в два голоса разнесли за капитулянтство. И тут же Сталин снял Жукова с Генштаба и отправил оттеснять немцев под Ельней. (А мог и хуже: в те недели – расстрелял десяток крупнейших замечательных генералов, с успехами и в испанской войне, хотя – Мерецкова вдруг выпустил.)

Под Ельней – хоть мясорубочные были бои, зато не высокоштабные размышления, реальная операция – и Жуков выиграл её за неделю. (Конечно, этот ельнинский выступ разумней было бы отсечь и окружить, да тогда ещё не хватало у нас уверенности.)

А Киев-то – пришлось сдать, но уже при огромном "мешке" пленных. (А скольких Власов оттуда вывел, за 500 километров, да теперь и вспоминать его нельзя.) Вот – остался бы Жуков командовать Юго-Западным – может, и ему бы досталось застрелиться, как Кирпоносу.

И, необычайное: в начале сентября вызвав Жукова, Сталин признал его правоту тогда о Киеве... И тут же продиктовал приказ, сверхсекретный, два Ноля два раза Десятьнацать: формировать из полков НКВД ЗАГРАДОТРЯДЫ; занимать линии в тылу наших войск и вести огонь по своим отступающим. (Во как! А – что и делать, если не стоят насмерть, а бегут?) И тут же послал спасать отрезанный Ленинград, а спасённый Жуковым центральный участок фронта передать другим. Но всё время сохранял Жукову звание члена Ставки – и это дало ему много научиться у военно образованных Шапошникова, Василевского и Ватутина. (А учиться – и хотелось, и надо же, край.) Они много ему передали – а всё-таки главным считом или тараном, или болванкой – на всякий опаснейший участок всегда с размаху кидали Жукова.

По полной стратегической и оперативной неграмотности, при никаком представлении о взаимодействии родов войск (в багаже – что осталось от Гражданской войны), Сталин в первые недели войны нараспоряжался беспрекословно, наворотил ошибок, – теперь стал осторожнее. Бориса Михайловича Шапошникова, вновь назначенного начальником Генштаба, единственного из военачальников называл по имени-отчеству и ему единственному даже разрешал курить в своём кабинете. (А с остальными – и за руку здоровался редко.)

Но несравнимо выше всех военачальников держались Сталиным все члены Политбюро, да ещё такой любимый как Мехлис (пока не загубил полностью восточнокрымский плацдарм). Бывало не раз, что, при нескольких политбюровцах выслушав генерала, Сталин говорил: "Выйдите пока, мы тут советуемся". Генерал выходил – послушно ожидать решения участи своего проекта или даже своей головы, и несколько при том не обижаясь: все мы коммунисты, а политбюровцы – высшие из нас, даже хоть и Щербаков, – и естественно, что они там решают без нас. И гнев Сталина на тех никогда не бывал долгов и окончателен. Ворошилов провалил финскую войну, на время снят, но уже при нападении Гитлера получил весь Северо-Запад, тут же провалил и

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru его, и Ленинград – и снят, но опять – благополучный маршал и в ближайшем доверенном окружении, как и два Семёна – Тимошенко и беспросветный Будённый, проваливший и Юго-Запад и Резервный фронт, и все они по-прежнему состояли членами Ставки, куда Сталин ещё тогда не вчислил ни Василевского, ни Ватутина, – и уж конечно оставались все маршалами. Жукову – не дал маршала ни за спасение Ленинграда, ни за спасение Москвы, ни за сталинградскую победу. А в чём тогда смысл звания, если Жуков ворочал делами выше всех маршалов? Только после снятия ленинградской блокады – вдруг дал. Даже не только, что обидно, а – почему не давал? чтобы больше тянулся? боялся ошибиться: возвысить прежде времени, а потом не скачаешь с рук? Напрасно. Не знал Верховный бесхитростную солдатскую душу своего Жукова. А – когда бы узнать ему солдатскую душу? Ведь он за всю войну на фронте не побывал ни одного часа и ни с одним солдатом не разговаривал. Вызовет – прилетишь издалека, и после фронтового многонедельного гула даже мучительно оказаться в тиши кремлёвского кабинета или за домашним обедом на сталинской даче.

А вот чему нельзя бы не научиться у Сталина: он с интересом выслушивал, какие людские потери у противника, и НИКОГДА НЕ СПРАШИВАЛ О СВОИХ. Только отмахивался, четырьмя пальцами: "На то и война". А уж о сдавшихся в плен не хотел и цифры узнать. Почти месяц велел не объявлять о сдаче Смоленска, всё надеясь его вернуть, вне себя посылая туда новые и новые дивизии на перемол. И Жуков усваивал: если считать сперва возможные потери, потом и понесенные потери, то и правда никогда не будешь полководцем. Полководец не может расслабить себя сожалением, и о потерях ему надо знать только те цифры, какие требуется пополнить из резерва и к какому сроку. А не рассчитывать пропорции потерь к какому нибудь маленькому ельнинскому выступу.

И эту достигнутую жёсткость – уметь передать как деловое качество и всем своим подчинённым генералам. (И стоустая шла, катилась о нём слава: ну, крут! железная воля! один подбородок чего стоит, челюсть! и голос металлический. А иначе – разве поведёшь такую машину?)

И так – Жуков сохранил в сентябре 1941 Ленинград. (Для блокады в 900 дней...) и тут же – через день после того, как Гудериан взял Орёл, – был выдернут снова к Сталину, теперь для спасения самой Москвы.

А тут, и суток не прошло, – наши попали в огромное вяземское окружение, больше полмиллиона... Катастрофа. (За провал Западного фронта Сталин решил отдать Конева под трибунал – Жуков отстоял, спас от сталинского гнева.) Все пути к столице были врагу открыты. Верил ли сам Жуков, что Москву можно отстоять? Уже не надеясь удержать оборону на дуге Можайска-Малоярославца, готовил оборону по Клину-Истре-Красной Пахре. Но собрав свою несломимую волю (у Сталина ли не была воля? – а сламылся несколько раз: в октябре он что-то заговаривал о пользе Брестского мира, и как бы сейчас с Гитлером хоть перемирие заключить...) – Жуков метался (по какому-то персту судьбы рядом со своей калужской деревней, откуда выхватил мать, сестру и племянников), стягивал силы, которых не было, – и за пять дней боёв под Юхновом, Медынью и самой Калугой – сорвал движение немцев на Москву.

А из Москвы к тому времени уже отмаршировали на запад 12 дивизий Народного Ополчения (и проглочены кто в смоленском, кто в вяземском окружении) – это кроме всех мобилизаций. И теперь, увязая в осенней грязи, четверть миллиона женщин и подростков выбрали 3 миллиона кубометров неподъёмной мокрой земли – рыли траншеи. И дыхание подходящего фронта уже обжигало их паническими вестями. С 13 октября начали эвакуировать из Москвы дипломатов и центральные учреждения, и тут же стали бежать и кого не эвакуировали, и – стыдно сказать – даже коммунисты из московских райкомов, и разразилась безудержная московская паника 16 октября, когда все уже считали столицу сданной.

Осталось навек загадкой: почему именно в эту страшную решающую неделю – Верховный не подал ни знака, ни голосу, ни разу не вызвал Жукова даже к телефону, – а сам-то Жуков не смел никогда. И осталось загадкой: ГДЕ был Сталин всю середину октября? Наверняка он проявился в Москве только в конце октября, когда Жуков, Рокоссовский (да и Власов же) остановили немцев на дуге от Волоколамска до Наро-Фоминска. В начале ноября Сталин проявился по телефону, требуя немедленного контрудара по всему кольцу, чтоб иметь победу непременно к годовщине Октября, – и, не выслушав возражений Жукова, повесил трубку, как это он делал не раз, просто раздавливая тебе душу.

Однако такой бы сейчас контрудар – был полная бессмыслица при нашем бессилии, Жуков и не затевал его. А немцы сами истощились, временно остановились. И Сталин, как ни в чём не бывало, звонил Жукову и спрашивал: нельзя ли взять с фронта сколько-нибудь войска для парада на Красной площади 7 ноября.

И вот теперь сидишь на веранде с видом на покойную реку и на тот луговой берег, где плещется городской серебряноборский пляж, и обмысливаешь: как?? вот как – об этом всём можно писать? И – вообще можно ли?

Трудно.

Но коммунисту – должно быть доступно. Потому что коммунисту светит не гаснущая никогда истина. А ты – всегда и во всём старался быть достойным коммунистом.

От начала. Мы в те годы были слабы в овладении марксистско-ленинской теорией. Изучение её мне давалось с большими трудностями. Лишь позже я глубже понял организующую роль нашей партии. И что мозг Красной армии, с самых первых дней её существования, – был ЦК ВКП(б). И: увы, нынешняя молодёжь не вникает в цифры, а они показывают, что темпы довоенного развития уже были ярким свидетельством нашего прогрессивного строя. Но индустриализация и не могла не идти за счёт ширпотреба. (Нет, ещё раньше, от юности: нищета и вымирание русской деревни при царе. И кулаки сосали бедняков. Разве это неправда? Это правда.)

А – о том жутком 1937 годе? Ты же понимаешь и сам, и надо напомнить другим: необоснованные нарушения законности не соответствовали существу нашего строя. Советский народ верил партии и шёл за ней твёрдой поступью. А вред истекал от беспринципной подозрительности некоторых руководителей. Но преимущества социалистического строя и ленинские принципы всё равно одержали верх. И народ проявил несравненную выдержку.

А когда началась война? Как решаяще укрепила наши ряды посылка в армию ПОЛИТБОЙЦОВ – коммунистов со зрелым стажем пропаганды. И важная директива Политуправления РККА: повысить передовую роль коммунистов. Да, помнится, эта директива сыграла огромную роль. При, порой, недостаточной сопротивляемости самих войск. – А почему наша Ставка оказалась сильнее гитлеровской? А вот по этому самому: она опиралась на марксизм-ленинизм. И войска проявили невиданную стойкость. И стояли насмерть, как от них и ждали ЦК и Командование.

Впрочем, у немцев армия была – первоклассная. Об этом у нас совсем не пишут, или презрительно. Но это обесценивает и нашу победу.

Когда немцы в середине октября остановились от растяжки фронта и коммуникаций – самое было время и нам, в более узком кольцевом объёме, заняться тем же: подтягиванием людских сил, вооружений, боеприпасов, укреплением обороны – и мы могли бы встретить следующий удар немцев, в середине ноября, может быть почти бы и не отступя. Но по несчастной идее иметь поскорее победу, и всё к 7 ноября, Верховный снова требовал контрнаступления, и притом на КАЖДОМ участке фронта, от клинского направления до тульского. И – кто мог не выполнить? Жуков теперь уже осмелел возражать, спорить, – Верховный и слушать не стал. И приходилось бросать в бой совсем не подготовленные и плохо вооружённые дивизии. И драгоценные две недели мы потратили на никому не нужные, бесплодные контратаки, не давшие нам ни одного километра, но отнявшие последние силы. И тут-то, с 15 ноября, немцы начали второй этап наступления на Москву, а 18-го и под Тулой: Гудериан взял Узловую, шёл на Каширу, подошёл и к рязанскому Михайлову – шёл охватить Москву с востока! Это был бы последний конец.

И 20 ноября Сталин позвонил Жукову, не скрывая тревоги и тоном необычным, голос сломался: "Вы уверены, что мы удержим Москву? Спрашиваю – с болью в душе. Говорите честно, как коммунист".

Жуков был потрясён, что Сталин не умеет и даже не пытается скрыть страха и боли. И – так доверяет своему полководцу. И собрав всю, всю, всю свою – действительно железную – волю, Жуков как поклялся Сталину, и родине, и себе: "Отстоим!!!"

И, по точному расчёту дней, назначил возможную дату нашего контрнаступления: 6 декабря. Сталин тут же стал торговаться: нет, 4-го. (Не потому что что-то рассчитал, а – ко дню Конституции, вот как.)

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Между тем каждый день приносил всё новые поражения: сдали Клин, сдали Солнечногорск, под Яхромой немцы перешли и канал, открывая и тут себе путь в Подмоскovie уже восточное. Всё было – в неразберихе и катастрофе, уже не воинские части, а случайные группы солдат и танков. И почти уже не хватало воли верить, заставить себя верить: нет, не рухнет! Нет, удержим. (В эти дни московской битвы спал по два часа в сутки, не больше. Молотову, по телефону грозившему расстрелять, отвечал – дерзко.)

И тут – доконал Жукова сталинский звонок:

– Вам известно, что взят Дедовск?

Дедовск? На полпути ближе Истры? Абсолютно исключено.

– Нет, товарищ Сталин, не известно.

Сталин в трубку – со злой издёвкой:

– А командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте туда сами – и верните Дедовск!

Бросать командный пункт, связь всех движений, всей подготовки, в такие минуты? Нет, Он ничему не научился и за полгода войны. (Впрочем, и Жуков считался с подчинёнными генералами не больше, только так и побеждают.)

– Но, товарищ Сталин, покидать штаб фронта в такой напряжённой обстановке вряд ли осмотрительно.

Сталин – с раздражённой насмешкой:

– Ничего, мы как-нибудь тут справимся и без вас.

То есть: ты – ничего и не значишь, такая тебе и цена.

Жуков кинулся звонить Рокоссовскому и узнал, что, конечно, никакой Дедовск и не дан, а, как догадался Костя, – наверно, речь о деревне Дедово, гораздо дальше и не там.

Спорить со Сталиным – большую отвагу надо иметь. Но тут-то Жуков надеялся, что облегчит и даже посмешит его звонком. А Сталин – прямо разъярился: так немедленно ехать к Рокоссовскому и с ним вдвоём отбить это Дедово назад! И ещё взять третьего с собой, командующего армией!

И – дальше уже спорить нельзя. Поехал к Рокоссовскому, втроём в штаб дивизии, и ещё раз уточнили, да: несколько домов деревни Дедово, по ту сторону оврага, немцы взяли, а остальные – тут, у нас. Те дома не стоили и одного лишнего выстрела через овраг, но четыре высших генерала стали планировать операцию и посылать туда стрелковую роту с танками.

А день – у всех пропал.

И всё-таки Жуков обернулся подтянуть все резервы к сроку – и 5 декабря перешёл в желанное большое наступление.

И в несколько дней заметно отогнал кольцо немцев от Москвы. (Хорошо двинул и Власов с 20-й армией, а об этом нельзя. Да немцы не дотягивали и сами взять Москву.)

Прогремела победа. Изумился и ликовал весь мир. Но – больше всех в мире был изумлён ею сам Верховный, видимо уже никак не веривший в неё. И – закружилась от победы его голова, он и слышать не хотел, что это были использованы наши последние резервы, теперь и они истощены, мы еле-еле удерживаем то, что взяли. Нет! Ликующий Сталин в безграничной отчаянной храбрости приказал: немедленно начать ОБЩЕЕ крупное наступление ВСЕМИ нашими войсками от Ладожского озера до Чёрного моря, освободить и Ленинград, и Орёл, и Курск – и всё одновременно!!

И потекли месяцы – январь, февраль, март – этого непосильного и ненужного

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru напряжения наших измученных войск – чтоб осуществить радужную мечту Сталина. И только – клали, клали, клали десятки и сотни тысяч в бесполезных атаках. (Среди них – и 2-ю ударную армию Власова сгноили в болотах Северо-Запада и бросили без помощи, – но вот ОБ ЭТОМ писать уже никому никогда не придётся, и лучше забыть и самому. Да Власов и оказался потом – предатель.) Дошли до того, что на орудие отпустили в сутки 1-2 выстрела.

Ничего нигде не добились, только испортили картину от московской победы. Был единственный заметный успех – именно у жуковского Западного фронта – и тут же Сталин отнял от его фронта 1-ю ударную армию. Жуков позвонил, уверенный убедить перспективу успеха, – а Сталин и разговаривать не стал, выругался и бросил трубку.

Не меньшее искусство, чем военное, нужно было иметь для того, чтобы разговаривать со Сталиным. Много раз то бросал трубку, то ругал нечистыми словами. (А вызовёт и с фронта дальнего, добираться больше суток, – хоть ты в жару болезни, хоть погода совсем не лётная – а лети к Верховному, и даже на 10 минут опоздать нельзя. Один раз снижались в Москву через туман, чтоб только не опоздать, – чуть не зацепили крылом фабричную трубу.)

Но – каким-то непонятным образом, все даже и промахи Сталина всегда покрывались и исправлялись Историей.

Очевидно: именно по превосходству нашего строя и нашей идеологии. На это – и врагам нечего возразить. Уместно и повторить: ЦК потребовал более широко развернуть партийно-политическую работу – и это вызвало массовый героизм коммунистов и комсомольцев, и весь народ ещё тесней сплотился вокруг коммунистической партии.

А лично – Жуков на Сталина не обижался: на Нём не только фронт, но и промышленность, которую Он держал в каменных руках. Но и – вся страна.

Порок ли это был Сталина, или, наоборот, достоинство? – но он не любил менять свои решения. Провалились все зимние контрнаступления, в крови утонул десант Мехлиса под Керчью (но: так как его Сталин и придумал, то никого серьёзно не наказывал), – всё равно, не слушая возражений ставочных генералов, Верховный затеял в мае несчастную попытку вернуть Харьков – и растранил бесплодно все наши резервы и усилия. И когда летом укрепившиеся немцы пошли в большое наступление (и не на Москву, как только и ждал Сталин), ещё один сталинский любимчик Голиков (тот самый политрук, который в 37-м допрашивал Жукова о близости к врагам народа) едва не отдал Воронежа, а лавина немцев покатила на Дон и на Северный Кавказ и к сентябрю уже заняли горные перевалы, – вот, кажется, только тут Сталин понял, что в провале 1942 года виноват он сам. И не искал виновных генералов. В конце августа он назначил Жукова (всё ещё – не маршала) заместителем Верховного, и опять признался с открытой болью: "Мы можем потерять Сталинград". И послал его туда. (А через несколько дней, узнав, что ближайший контрудар назначен на 6 сентября, а не на 4-е, – опять кидал трубку. И ещё добавил слишком выразительной телеграммой: "Промедление подобно ПРЕСТУПЛЕНИЮ".)

Но впервые под Сталинградом Сталин дал удержать себя в терпении, и Жуков с умницей Василевским выиграли почти два месяца – на детальнейшую разработку плана огромного окружения (втянули и Сталина в красоту этого замысла) и планомерное стягивание сил, подготовку командований, взаимодействий, – и наученный своими промахами Сталин терпел, не прервал. И так – удалась великая сталинградская победа.

Но удалось и другое, чего не знали многие: ведь ты этому ничему никогда не учился, а видно, что-то в твоей башке заложено. Вот только ЗДЕСЬ впервые, в напряжённом преодолении, Жуков, кажется, стал СТРАТЕГОМ, он стал – другой Жуков, каким себя до сих пор не знал. Он приобрёл – пронзительность предвидения противника и не уходящее ни на миг из головы и груди ощущение всех НАШИХ сил сразу – в их составе, разнообразии, возможностях, и в качествах их генералов. Он приобрёл уверенность высокого полёта и обзора, которого всегда ему не хватало.

И тем обиднее было потом читать, как Ерёменко врал, будто сталинградскую операцию они разработали... вдвоём с Хрущёвым. Спросил его прямо в лоб: "Как же ты мог?!" – "А меня – Хрущёв попросил".

После этого – Чуйков, всего лишь командующий одной из Сталинградских армий, приписал всю заслугу трёх фронтов – себе, и пинал в мемуарах павшего Жукова, что тот – "только путал". Загорелось сердце, вот опять хватит инфаркт, – позвонил прямо Хрущёву: как же можно такую ложь допускать в печатности? Обещал кукурузный царь заступиться. (Да ведь что эти чуйковские мемуары? Своего – ему сказать нечего? а – надёргал эпизодов из фронтовых и армейских газет и к себе натыкал.)

После Сталинграда, с тем же Василевским, Жуков уверенно вошёл в новый план Курской битвы – с отчаянно рискованным решением: НЕ спешить наступать! вообще НЕ начинать наступления – а дать сперва Манштейну неделю биться и разбиться о нашу слаженную, многозелонную оборону (решение почти азартное: а вдруг прорвёт??) – лишь потом ошеломить немцев НАШИМ наступлением, на Орёл.

И оказалось это – ещё одно такое же, по красоте, силе и разгромному успеху, стратегическое творение, как и Сталинград. Жуков – ещё вырос и укрепился в стратегии, он уже приобрёл уверенность, что разобьёт Гитлера и без "Второго фронта" союзников. Он был – и направляющим этого ошутимо огромного карающего процесса, но и – деталью его, процесс сам его направлял. (И всё укреплялся в спорах со Сталиным; и даже отучил его от телефонных звонков после полуночи: Вы потом спите до двух часов дня, а нам с утра работать.)

Однако сталинской выдержки не хватило надолго. Затягивалась ликвидация окружённого Паулюса – Он нервничал, погонял, бранился обидными словами. А после Курска уже не давал времени на разработку операций по окружению, а только – фронтально и безвыигрышно толкать немцев в лоб, давая им сохранять боевую силу, а чтобы только – ушли скорей с советской земли, хоть и целыми. (Но: уже при КАЖДОЙ встрече теперь пожимал Жукову руку, даже шутил, за маршалским званием стал давать то Суворова 1-й степени, то золотые звёзды Героя, одну, вторую, третью. Всё перебрасывал и перебрасывал его на каждую неудачу или задержку, и однажды Жуков не без удовольствия снял с командующего фронтом – того Голикова.)

Ещё потом был – цепкий прыжок за Днепр. И лавинная прокатка до Румынии. До Болгарии. Ещё была Белорусская операция, где легко дался бобруйский котёл. И, опять лавиной, – в Польшу. Потом – за Вислу. На Одер.

И в каждой операции Жуков ещё рос и ещё уверялся в себе. Одно его имя уже стало нагонять страх на немцев: что прибыл на ЭТОТ фронт. Теперь он уже и придумать не мог бы себе преграды, которую нельзя одолеть. И так, по приказу Сталина, изжигаемого взять Берлин – чего Гитлер не мог с Москвой, и взять скорей! скорей самим, без союзников! – Жуков увенчал войну – и свою жизнь – Берлинской операцией.

Берлин оказывался почти на равном расстоянии – от нас и от союзников. Но немцы сосредотачивали все силы против нас, и была большая опасность, что они союзникам просто поддадутся, пропустят их. Однако этого нельзя же было допустить! Родина требовала: наступать – нам! и побыстрее, побыстрее! (Перенял от Сталина и тоже хотел теперь непременно к празднику, к 1 мая. Не вышло.) И не оставалось Жукову иначе, как опять: атаковать в лоб и в лоб, и не считаясь с жертвами.

Заплатили мы за Берлинскую операцию, будем говорить, тремястами тысяч павших. (Полмиллиона-то легло?) Но – мало ли пало и раньше? кто их там считал? Специально теперь на этом останавливаться – бесполезно. Конечно, нашим людям тяжело было терять отцов, мужей, сыновей, – но все они стойко переносили неизбежные потери, ибо все понимали, что идут звёздные часы советского народа. Кто уцелеет – будет внукам рассказывать, а сейчас – вперёд!! (Союзники, больше из зависти, после войны стали утверждать, что не только не нужна была берлинская операция, но и вся весенняя кампания 1945 года: мол, Гитлер сдался бы и без неё и без новых боёв, он уже был обречён. А сами – зачем тогда сжигали ненужной бомбёжкой невоенный Дрезден?.. тоже – тысяч полтораста сожгли, да гражданских.)

Да Жуков готов был воевать хоть и ещё дальше, как машина, его стратегическая теперь хватка и разогнанная стальная воля даже требовали пищи, помола. Но – жизнь вся сразу сменилась: как бы с полного разгона корабля он сел на мягкую и почётную мель. Теперь – он стал Главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии. Бессонные ночи оперативных разработок сменились на долгие сытые и пьяные банкеты с союзниками (они так и липли на икру и водку). Завязалась как бы дружба с Эйзенхауэром. (На одном ночном банкете – отплясал ему

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru "русскую", показывал.) Пошёл поток взаимных с союзниками наград. (Эти крупные их ордена уже приходится спускать на живот.) Вместо боевых потекли заботы хозяйственные: демонтировать немецкие предприятия и вывозить их в СССР. Ну и, конечно же, налаживать жизнь немецкого населения – мы много сделали для них, наши интернациональные чувства не давали нам отдаться мести, и нам многое объяснили Ульбрихт и Пик младший. (И через 8 лет изумлён был Жуков необъяснимым восстанием берлинских рабочих: ведь мы – отменили им все нацистские законы и дали полную свободу всем антифашистским партиям.)

Гордость была только – в июне съездить принять парад Победы на Красной площади, на белом коне. (Сталин, видно, сам хотел, но не уверен был, усидит ли на лошади. А видно – завидовал: желваки заходили по лицу. А раз, внезапно, небывало признался Жукову: "Я – самый несчастный человек. Я даже тени своей боюсь", – боялся покушения? Жуков поверить не мог такой откровенности.)

Летом потекла церемонная Потсдамская конференция (в Берлине, полностью разбитом нашей артиллерией и авиацией, места для конференции не нашлось). Дальше были заботы, как заставить союзников вернуть советским органам наших советских граждан, опять-таки необъяснимо не желающих возвращаться на родину. (Что это? как это может быть? Или знают за собой тяжёлые преступления, или льстятся на лёгкую западную жизнь.) Приходилось жёстко требовать от союзников, чтобы на встречу с этими людьми допускали наших представителей, профессионалов сыска. (Это оказались очень деловые люди, они в нашей армии состояли и всегда, но Жуков со своей высоты с ними раньше как-то мало соприкасался.)

И – много такого. Жуков всё это исполнял, но как бы с ленью, как бы засыпая: уже никогда не возвращался прежний его орлиный полёт – разгадок противника и постройки своих замыслов.

Что ж, пора была бросать этот почётный и скучный пост в Берлине, возвращаться, и обновлять и укреплять Советскую (теперь уже не Красную) армию для возможных будущих конфликтов – и в рост с новой военной техникой. После войны вряд ли Сталин захочет сохранять за собой пост наркома (теперь – "министра") обороны. А значит – отдаст Жукову. Да и оставаясь бы его первым заместителем – всё равно в руки Жукова попадало всё военное дело.

Но когда в 1946 Жуков вернулся из Берлина, он был поражён неожиданным назначением заместителем министра обороны вовсе не себя – а вполне штатского Булганина. И, как объяснил Сталин, руку с дымящей трубкой отводя с видом своей беспомощности вмешаться: Булганин уже так построил штаты министерства обороны, что в них нет места второму заместителю.

Жукова – как скинули с лошади на скаку.

Ну всё-таки!.. Но я же... ?

И – что Ему возразишь? Да не Сталин это придумал, не мог бы Он так поступить после всего, что связывало их в военных победах! после стольких в Его доме встреч, работы, обедов один на один. Это, конечно, придумал – двуличный Булганин. (Подобное неожиданное хитрое проворство Жукову, бывало, приходилось замечать и у других "членов военного совета", то есть политуправленцев фронтов и армий, – ПОСЛЕ того, как миновали главные бои, а до этого они сидели тихо. Такой же был всегда и Хрущёв, по виду очень простодушный.)

А начальником Генштаба – уже был Василевский, и это совершенно справедливо. Жукову предложили быть Главнокомандующим сухопутными войсками. То есть – не только без авиации и флота, не только без стратегической работы – но ещё и в прямом подчинении лишь Булганину, без права обращения к Сталину (так было указано в новом штатном расписании).

Да: на скаку – и обзёмь. Больно.

Как когда-то в Тамбовской губернии, когда вышибли из седла.

А наступило тогда Георгию Константиновичу как раз и ровно – 50 лет. Самый расцвет сил и способностей.

Щемило по своему ушедшему боевому прошлому...

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Но обречённость его теперь бездействия – оказалась куда затопистей, чем он ожидал. Всей беды своей он ещё не предвидел.

Когда в конце 1945 на одном кремлёвском совещании Сталин упрекнул Жукова, что он приписывает все победы себе, Жуков готовно отказался: ВСЕХ – никогда не приписывал. И когда в апреле 1946 горько пережил лукавый ход Булганина – тоже он беды своей ещё не понял. А пробыть Главнокомандующим сухопутными войсками досталось ему всего месяц: на Главном Военном Совете вдруг стали зачитывать показания бывшего адъютанта Жукова (оказывается, арестованного!) и главного маршала авиации Новикова (оказывается, тоже недавно арестованного!) – и ещё других арестованных офицеров – что Жуков будто бы готовил военный заговор – какой бред!! в какую голову это поместится?? Но Рыбалко, Рокоссовский, Василевский тут подхватились и дружно стали Жукова защищать, спасибо. И убедили Сталина, и Сталин спас его от бериевской расправы – и всего лишь послали маршала на Одесский военный округ.

Крутое падение, болезненное, – но всё ж не тюрьма.

Однако, вот, написать своей рукой в воспоминаниях, что за все свои мировые победы четырежды Герой Советского Союза – единственный такой в стране! – был сброшен в командующего военным округом, – перо не берёт, перед историей стыдно, об этом надо как-то промолчать.

Но и это ещё был не край беды. Не прошло двух лет, как арестовали генерала Телегина, члена военного совета при Жукове в конце войны (и как много позже узналось, ему выбили все зубы, он терял рассудок, да и Новикова пытали также, а потом – выпустили), – вот тогда Жуков понял, что идёт Берия – на него. И тогда-то был у него первый инфаркт.

А Берия с Абакумовым вдруг нагрянули на подмосковную дачу Жукова (подаренную Сталиным за спасение Москвы, вот где он сейчас писал мемуары) – якобы проверять хранение документации, рылись в ящиках, вскрыли сейф, нашли старые оперативные карты, которые полагалось сдавать, – это Главнокомандующему! И состряпали строгий выговор.

Нет, не арестовали пока: Сталин – спас, заступился! Но сослали – на Уральский военный округ, уже и не приграничный. Как это походило на ссылку Тухачевского в 1937 в Средневожский округ – только того арестовали сразу в поезде. Так – и ждал себе теперь. И держал наготове малый чемоданчик – с бельём, с вещами.

Славы – как не бывало. Власти – как не бывало. И отброшен – в бездействие, в мучительное бездействие, при всех сохранных силах, воле, уме, таланте, накопленных стратегических знаниях.

Иногда думал: да неужели – это замысел самого Сталина? (Не простил того белого коня на параде Победы?..) Да нет, это Берия заморочил ему голову, оклеветал.

А с другой стороны – нашлись в мире антинародные силы, которым выгодно было создать обстановку "холодной войны". Но в Холодной – Жуков был совсем бесполезен, это правда.

Однако в те годы ему бы и в голову не пришло сидеть писать воспоминания: ведь это, как бы, признать конец своей жизни?

А Сталин – не забыл своего оклеветанного, но верного полководца и героя, нет. В 1952 допустил его на съезд партии, и кандидатом в ЦК. И перевёл опять в Москву, и готовил ему какую-то важную должность в новой сложной обстановке.

Но – внезапно скончался...

Вечная память Ему! А обстановка стала – ещё и ещё более сложная. Берия ходил в главарях, но не он один. И Жуков снова стал Главнокомандующим сухопутных войск и первым заместителем министра обороны.

И прошло ещё два месяца – сильно пригодился Жуков! Вызвали его Хрущёв и Маленков: завтра на Политбюро (теперь его переназвали потише, в Президиум) в повестке дня будет стоять военный вопрос, ты будешь вызван туда – и нужно там же

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru сразу арестовать Берию! Это пока будем знать только мы трое. А ты возьми с собой двух-трёх надёжных генералов, и конечно адъютантов, и оружие.

И в назначенный час сидели в приёмной, ждали вызова (генералы гадали, зачем их позвали, - объяснил им только уже перед входом на заседание, и кому - стоять на дверях с пистолетами). Вошёл, прошагал немного и бегом на Берию! - и за локти его, рывком, медвежьей силой, оторвать от стола: может у него там кнопка, вызвать свою охрану? И гаркнул на него: "Ты - арестован!!" Доигрался, сволочь, Гад из гадов! (Политбюро сидит, не шелохнется, из них никто б не осмелился.) Тут вспомнил тамбовский приём, как брали в плен "языков": адъютанту - вынуть у арестованного брючный ремень, тут же отрезать, оторвать пуговицы с брюк, - пусть штаны двумя руками держит. И - увели. В просторном автомобиле положили на пол, закутанного плотно в ковёр, и кляп во рту, а то ведь охрана ещё остановит машину на въезде из Кремля. Сели четыре генерала в ту же машину - на вахте их только поприветствовали. И отвезли гада в штаб Военного округа, в бункер внутреннего двора - и ещё подогнали танки с пушками, наведенными на бункер. (А трибунал вести досталось Коневу.)

Только: и этого сладкого мига - в мемуары не вставишь. Не целесообразно. Не помогает коммунистическому партийному делу. А мы прежде всего коммунисты.

После этой операции Коллективное руководство снова призвало Жукова к реальному делу. Вот только когда - стал он министром обороны, во всю силу и власть, Хозяин Армии. И в какой ответственный момент: развитие атомного оружия! (Вместе с Хрущёвым дружески летали в Тоцкие лагеря на Урал, проводили опыт на выживаемость наших войск, 40 тысяч на поле, сразу после атомного взрыва: отработка упреждающего тактического удара против НАТО.) Готовил Армию на великие задачи, хоть и против Америки бы.

Теперь и ездил в Женеву на встречу союзных стран "в верхах". (И встретил там коллегу-Эйзенхауэра: ишь ведь, уже Президент!)

Как бывает в жизни - беда к беде, а счастье к счастью, - тут и женился второй раз, Галина на 31 год моложе. И - ещё одна дочка родилась, уже третья, - да тем дороже, что малышка. Как внучка...

А на Сталина - не осталось зла, нет. Всё перенесенное за последние годы - просто вычеркнул из памяти. Сталин был - великий человек. И - как сработались с ним к концу войны, сколько вместе передумано, решено.

Только - XX съезд партии потряс сознание: сколько же открылось злоупотреблений! сколько! И подумать было невыносимо.

На XX съезде стал - кандидатом в Политбюро.

А вслед Съезду - стали подступать, подступать ко всемогущему военному министру некоторые генералы - поодиночке, по два: "Георгий Константинович, да не нужны нам теперь в армии политотделы, комиссары, они нам только руки связывают. Освободите вы нас от них, сейчас вам никто не посмеет помешать". - "Да и от смершевцев подковырчивых, от Особотделов тоже! Вполне будет - в духе Съезда".

Так подступали не один раз - и по-тихому, и в малом застольи (только Жуков никогда не распивался): мол, победила-то Гитлера РУССКАЯ армия, а что из нас опять дураков выворачивают? Так не пришла ли пора, Георгий Константинович... ? И даже прямо: мол, сейчас министр Вооружённых Сил посильней всего Политбюро, вместе взятого. Так что - и... ? может быть... ?

Жуков даже и задумывался: может, и правда? Сила - вся была у него, и сётка боевая сохранялась, и свалить ЭТИХ всех было, в оперативном смысле, не трудно.

Но - если ты коммунист? Но как можно так настраиваться, если мы в своей Победе обязаны - да, также и политическому аппарату, и смершевскому?

Нет, ребята. Это - не дело.

Но - потекло, и распространилось по Москве, если и не по Армии. И уже на Политбюро Жукова спросили тревожно.

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Заверил товарищей:

- Да что вы! Да никогда я не был против института политотделов в Армии. Мы - коммунисты, и останемся ими навсегда.

На том и пережили кризис в умах 1956 года.

Исполнилось Жукову 60 лет - в полном соку, и опять он понадобился, в раздорах самого Коллективного Руководства. Там чуть не все до одного стали против Хрущёва: что он сильно раскомандовался, лезет вместо Сталина - и надо его едва ли не снять. Хрущёв кинулся к Жукову: "Спаси!"

А чтобы спасти - надо было собрать голоса ЦК, потому что в Политбюро Хрущёв был совсем в меньшинстве, а его враги собирать ЦК отказались.

Так это легче лёгкого! Семь десятков военных самолётов послал Жуков и всех членов ЦК доставил мигом в Москву. Ими - Хрущёв и взял перевес. И объявил и проклял антипартийную группировку Молотова - Маленкова Кагановича и примкнувших, и примкнувших. (И Булганин, и Ворошилов тоже перекинулись к тем.)

Спасши Родину от германского фашизма, и спасши от перерожденца Берии, и спасши от антипартийной группировки - этими одолениями был теперь Георгий Жуков трижды увенчан, достойный, любимый сын Отечества.

И - никак не пришла б ему в голову такая пустячная забава, как писать ВОСПОМИНАНИЯ.

Тут как раз надо было ехать с визитом в Югославию и Албанию. Поехал с флотилией в несколько военных кораблей по Чёрному, по Средиземному, по Адриатическому - славно прокатиться с непривычки.

А в Белграде узнал, что в Москве снят с поста министра Вооружённых Сил??!

Что это??? какое-то недоразумение? переназвание, переформировка? будет какой-то иной пост - равноценный или даже поважней?

Защемило сердце. Опустело в груди - и вокруг всё, в этих визитах. Поспешно возвращался с надеждой - объяснить же с Хрущёвым: не может же он настолько не помнить добра - ДВАЖДЫ спасённый Жуковым?!

А не только не помнил - уже, оказывается, на ЦК и в кремлёвских кругах заявлял: Жуков - опасная личность! Бонапартист! Жуков хочет свергнуть нашу родную советскую власть! Да в Москве прямо с аэроплана кто же? Конев! сопроводил Жукова в Кремль, и тут же исключили его и из Политбюро и из ЦК.

Из Белграда - ничего было не сделать. А добрался до Москвы - здесь и обезврежен, тут всё сменено, и не осталось линий связи.

Только теперь! теперь задним умом разобрался Георгий Константинович: был он слишком крупная фигура для Хрущёва. Невмоготу было - такого рядом держать.

Где там объясняться: в "Правде" - опять же Конев!! - напечатал гнусную статью против Жукова. Конев! - спасённый Жуковым от сталинского трибунала - вот так же в октябре, в Сорок Первом году.

Такого оскорбления, такого унижения, такой обиды - никогда за весь век не испытывал. (Сталин - тот был законный Хозяин, тот - выше, тот имел право на Власть, но этот - прыщ кукурузный?!) Так было тяжко - стал глушить себя снотворными: и на ночь снотворное, одно, второе, а утром проснулся - сердце гложет - и опять снотворное. И на ночь - опять. И днём - опять. И так больше недели качивал себя, чтобы пережить.

Да и на том не кончилось: из Армии выкинули вовсе: в отставку. И на том не кончилось: начальником Политуправления Армии-Флота сделал Хрущёв всё того же Голикова, жуковского врага, - и именно Голиков теперь наблюдал, как пресечь все движения опального маршала и все возможные движения неотшатнувшихся друзей - к нему, на всё ту же подмосковную дачу в лесу, в его дом с обесмыслевшей колоннадой. (Да спасибо - дачу-то не отобрали.)

И вот тут – хватил Жукова второй инфаркт (если что-то не хуже).

И поднялся от него – уже не прежним железным. Как-то всё тело и огрузло, и ослабло необратимо. Разрыхлилась и шея. И смяк – на весь мир знаменитый его беспощадный подбородок. И щёки набрякли, и губами стало двигать как-то трудней, неровно.

Одно время круглосуточно дежурили на даче медсестры.

Теперь остались с Жуковым жена (она врач, и чаще на работе), маленькая дочурка, тёща да старый, ещё с фронта, проверенный шофёр. С интересом и участием следил за отметками, как Машенька стала обучаться в музыкальной школе. (Он и сам всегда мечтал играть на баяне, и после Сталинграда находил время маленько учиться. И сейчас на досуге поигрывал. Хотелось играть "коробейников", "Байкал" и фронтовую "Тёмную ночь".) Ездил – только на любимую рыбалку. А то всё – на лесном своём участке, гулял, возился с цветами, в непогоду бродил по столовому залу, от огромного дубового буфета – до своего же бюста, работы Вучетича, и модели танка Т-34.

А внешняя жизнь – текла себе как ни в чём не бывало. Печаталась многотомная история Великой Отечественной войны – но к Жукову не обратились ни разу ни за единой справкой... И само его имя замалчивали, затирали, сколько могли. И, говорят, – убрали его фотографии из музея Вооружённых Сил. (Кроме Василевского и навещавшего Баграмяна все отвернулись от Жукова. Ну, Рокоссовского послали возглавлять польскую армию.)

И вот тут-то – многие, многие маршалы и генералы кинулись писать свои мемуары и издавать их. И Жуков поражался их взаимной ревности, как они выставляли себя и старались отобрать честь от соседей, а свои неудачи и промахи – валить на них же. Так и Конев теперь строчил (или ему писали?) свои воспоминания – и во всём он чистенький, и бесовестно перехватывал себе славу достижений скромного и талантливого Ватутина (убитого бандеровцами). И уж на Жукова, зная, что он беззащитен, кто только не нарекал. Артиллерийский маршал Воронов дошёл до того, что приписал себе и план операции на Халхин-Голе, и успех её.

И вот тут-то – взялся Жуков и сам воспоминания писать. (Да без секретарей, своей рукой, медленно выводил, потихонечку. А один бывший офицер-порученец, спасибо, помогал проверять даты, факты по военным архивам – самому теперь ехать в архив министерства и неловко, и ещё на отказ напорешься.)

Да вообще-то, военные мемуары – и неизбежная, и нужная вещь. Вон немцы сколько уже накатали! вон, и американцы, хотя, по сравнению с нашей, что у них была там за война? Да печатаются воспоминания и наших незатейливых офицеров, даже младших, и сержантов, и лётчиков – это всё пригодится. Но вот когда генерал, маршал садится писать – надо ответственность свою понимать.

Писал – не находил в себе зла и поспешности спорить с ними всеми. (Да Василевский кой-кого недобросовестного и отчитал.) Непримируемость она нужна в боях, не здесь. Не находил в себе злопамятства ни к Коневу, ни к Воронову. Протекли и месяцы, и годы опалы – и сердце отошло, умирилось. Однако несправедливостей – нельзя в истории оставлять. Хоть мягко – но надо товарищей поправить, поставить всё на место. Мягко, чтоб не дать им и дальше стравливаться за делёжкой общего пирога Победы. И в чём сам не дотянул, не доработал – о том в воспоминаниях тоже не скрывать. Ибо только на ошибках и могут учиться будущие генералы. Писать надо – истинную правду.

Хотя и правда – она как-то, с течением истории, неуклонно и необратимо меняется: при Сталине была одна, вот при Хрущёве другая. А о многом – и сейчас говорить преждевременно. Да... Войною – и кончить. Дальше – и не хочется, и нельзя.

И вдруг вот – скинули пустошлёпа! теперь не нашлось Жукова, чтоб его ещё раз выручить.

Но и положение опального маршала не изменилось в неделю или в месяц: так и висела опала, никем вновь не подтверждаемая (Голикова уже не стало), но и никем же не отменённая: кто первый осмелится на разрешающее слово?

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Одно только позволил себе: съездил в калужскую область, в родную деревню, - очень потянуло, не жил там, считай, полвека. И сильно огорчился: повидал тех, с кем когда-то в молодости танцевал, - все теперь старухи какие же нищие, и деревня как обнищала. "Да что ж вы так бедно живёте?" - "А не велят нам богаче..."

Но придвигалось 20-летие Победы - и новые власти не могли же не пригласить Жукова на торжество в Кремлёвский дворец. Первое за 7 лет его появление на людях. А вослед, неожиданно, - банкет в доме литераторов. И горячностью приёма от писателей - маршал был и тронут, и поражён. - И ещё раз, в тот же год, позвали его в дом литераторов снова - на юбилей одного знакомого военного писателя. Пошёл в штатском костюме, посадили в президиуме. А дальше юбилей юбилеем, сторонний гость, но когда в полдюжине речей, без прямой связи, вдруг называли имя Жукова писательский зал, московская интеллигенция - бурно, бурно аплодировала, а дважды и весь зал вставал.

Вот как!..

Теперь - разрешил себе Жуков и съездить в Подольск, в Центральный архив министерства обороны, и полистать кой-какие документы военных лет, и свои собственные приказы. Да теперь - и архивисты нашлись ему в помощь. Теперь - и на его опальную, всеми забытую дачу посочились то корреспонденты, то киношники - и приехала женщина от какого-то издательства АПН заключать договор на его мемуары, и чтоб он кончил за полгода (да он уже и дописал до Берлина). Могла бы выйти книга к его 70 летию, и чтоб отдать им всё распространение за границей? Ну, пожалуйста.

Ещё вот недавно - никто и не спрашивал его об этих листах воспоминаний, никто почти и не знал - а теперь они понадобились, да скорей, да - сразу на весь мир!

Теперь - гнать, к сроку? А эта раздумчивая, перебирательная работа за письменным столом - она совсем не для профессионального воина. Кажется, легче дивизию двинуть на пять километров вперёд, чем пером вытащить иную строчку.

Но зачастила редакторша - одна, другая. Они - и магнитофон предлагают; у них и все слова наготове, и целые фразы, и очень хорошо звучат. Например: "Партийно-политическая работа являлась важнейшим условием роста боеготовности наших рядов". Сперва это вызывает у тебя некоторое сопротивление: ты-то сам составлял боеготовность сколько раз, знаешь, из чего она. А постепенно вдумаешься: политическая работа? Ну, не самым важным, но, конечно, одним из важнейших. Или: "Партийные и комсомольские организации отдали много душевных сил, чтобы поднять боевое состояние войск". Вдуматься - и это тоже правда, и не противоречит оперативным усилиям командования. - А ещё приносят из архивов материалы, которых ты сам никогда не контролировал и не в состоянии проверить теперь. Вот, стоит чёрным по белому в донесениях политотделов: "За 1943 год наши славные партизаны подорвали 11 тысяч немецких поездов". Как это может быть?.. Но в конце концов не исключено: может, частично подорваны, где - отдельные вагоны, где колесо, где тамбур.

А попросил АПН узнать в КГБ: нельзя ли посмотреть, какие доклады подавали Берия и Абакумов на маршала? Узнали: как раз эти папки - все уничтожены как не имеющие исторического значения.

Зато вот что узнал: уже напечатано, и изрядно давно, нашей бывшей в Берлине армейской переводчицей, что она в мае 1945 в имперской канцелярии участвовала в опознании - по зубным протезам - найденного трупа Гитлера. Как? Разве труп Гитлера вообще нашли? Жуков, Главнокомандующий, победитель Берлина - ни тогда, ни потом ничего об этом не знал! Ему тогда сказали, что только труп Геббельса нашли. Он так и объявил в Берлине тогда, а о Гитлере, мол, ничего не известно. И в каких же он теперь дураках? Его подчинённые секретно доложили о находке прямо Сталину, помимо Жукова, - как же смели? А Сталин - не только Жукову не открыл, но в июле 1945 сам же и спрашивал: а не знает ли Жуков, где же Гитлер?..

Ну, такого вероломства - и такого непонятого - Жуков и представить не мог.

А думал, что за годы войны - хорошо, хорошо узнал Сталина...

И - как же теперь об этом признаться в мемуарах?.. Да это будет и политически

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru неправильно.

Ещё этот обман тяжело пережил. (Ещё и эту переводчицу просил достать документы, которых сам не мог.)

А в члены ЦК Жукова так и не вернули. (Говорили: Сулов против.)

Но Конев – приехал как-то. Повиниться.

Через труд душевный – а простил его.

Хорошо ли, плохо, – рукопись сдал издательству в обещанный срок. Ну, куда там до книги! теперь это АПН создало группу консультантов – "для проверки фактов". И они, месяц за месяцем, вносили ПРЕДЛОЖЕНИЯ, новые формулировки, 50 машинописных страниц замечаний.

Куда уж теперь дожидаться выхода книги к 70-летию! Работа потянулась – и за, и за... Много пришлось убирать, переделывать. Характеристики Тухачевского, Уборевича, Якира, Блюхера – все убрать. Вот ещё новое: не сам ты пишешь, что на сердце, – а что ПРОЙДЁТ? ПРОПУСТЯТ или не пропустят? Что своевременно – а что несвоевременно? (Да и сам же ты соглашаешься: да, верно. Так.)

Раньше писал просто сам для себя, тихо, покойно. А теперь – уже так загорелось книгу увидеть в печати! И – уступал, и переделывал. И промытарилась с этими редакторами два с половиной года – а книги всё нет как нет. Тут стало известно, что почему-то и Политуправление армии и новоявленный маршал Гречко – против этих мемуаров. Но Брежнев пошёл навстречу, положил резолюцию: "создать авторитетную комиссию для контроля содержания".

Между тем на свой месяц декабрь (и родился, и под Москвой победил) поехал Георгий Константинович в санаторий Архангельское с Галей. А там ударил его тяжёлый инсульт.

Долго отходил. Поднялся – но ещё менее прежний. Сперва – вообще не мог ходить без посторонней помощи. Массаж да лечебная гимнастика стали занимать больше половины дня. Ещё и воспаление тройничного нерва.

И плохо с головой.

Как-то и обезразличела уже будущая книга. А всё-таки хотелось и дожить.

Тем летом – наши вошли в Чехословакию. И правильно сделали: нельзя было такой разгул оставлять.

Тревоги Родины и всегда волновали Жукова больше, чем свои.

А в военном смысле – первоклассно провели операцию. Хорошо-хорошо, школа наша сохраняется.

Кончился и третий год редатуры. И передали откровенно: Леонид Ильич пожелал, чтоб и он был упомянут в воспоминаниях.

Вот тебе так... И что ж о том политруке Брежнев ВСПОМНИТЬ, если в военные годы с ним никогда не встречался, ни на том крохотном плацдармике под Новороссийском.

Но книгу надо спасать. Вставил две-три фразы.

После того Брежнев САМ разрешил книгу.

И в декабре же опять, но в жуковские 72 года, её подписали к печати.

Радоваться? не радоваться?

В глубоком кресле осев, утонув в бессилие – сидел. И вспомнил вспомнил бурные аплодисменты в доме литераторов – всего три года назад? Как зал – вставал, вставал, как впечатывали ладонями его бессмертную славу.

Аплодисменты эти – были как настойчивый повтор тех генеральских закидов и

Два рассказа. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
надежд, сразу после XX съезда.

Защемило. Может быть ещё ТОГДА, ещё тогда - надо было решиться?

О-ох, кажется - дурака-а, дурака свалял?..

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://solzhenitsynalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!